ПАВЕЛ БАЖОВ

Серебряное копытце

Сказы

#эксмодетство

Серебряное копытце. Сказы

Павел Петрович Бажов

Аннотация
Павел Петрович Бажов. Серебряное копытце
Золотой волос
Про великого полоза
Змеиный след
Серебряное копытце
Огневушка-поскакушка
Синюшкин колодец

Аннотация

В книгу вошли шесть самых «детских» сказов Павла Петровича Бажова: «Золотой Волос», «Про Великого Полоза», «Змеиный след», «Серебряное копытце», «Огневушка-Поскакушка», «Синюшкин колодец».

Герои этих добрых и светлых историй – дети и взрослые, сохранившие в сердце детскую искренность и непосредственность. Поэтому и помогают им волшебные силы. Познакомиться с героями поближе и полюбоваться заколдованными сокровищами помогают сказочные иллюстрации Елены Шафранской.

Павел Петрович Бажов
Серебряное копытце

© Бажов П.П., текст, наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Золотой волос

Было это в давних годах. Наших русских в здешних местах тогда и в помине не было. Башкиры тоже не близко жили. Им, видишь, для скота приволье требуется, где еланки да степочки. На Нязях там, по Ураиму, а тут где же? Теперь лес — в небо дыра, а в ту пору — и вовсе ни пройти ни проехать. В лес только те и ходили, кто зверя промышлял.

И был, сказывают, в башкирах охотник один, Айлыпом прозывался. Удалее его не было. Медведя с одной стрелы бил, сохатого за рога схватит да через себя бросит — тут зверю и конец. Про волков и протча говорить не осталось. Ни один не уйдёт, лишь бы Айлып его увидел.

Вот раз едет этот Айлып на своём коне по открытому месту и видит — лисичка бежит. Для такого охотника лиса — добыча малая. Ну, всё ж таки, думает:

«Дай позабавлюсь, плёткой пришибу». Пустил Айлып коня, а лисичку догнать не может. Приловчился стрелу пустить, а лисички — быть-бывало. Ну что? Ушла так ушла — её счастье. Только по-

думал, а лисичка вон она, за пенёчком сидит да ещё потявкивает, будто смеётся: «Где тебе!»

Приловчился Айлып стрелу пустить — опять не стало лисички. Опустил стрелу — лисичка на глазах да потявкивает: «Где тебе!»

Вошёл в задор Айлып: «Погоди, рыжая!»

Еланки кончились, пошёл густой-прегустой лес. Только это Айлыпа не остановило. Слез он с коня да за лисичкой пешком, а удачи всё нет. Тут она, близко, а стрелу пустить не может. Отступиться тоже неохота. Ну, как — этакий охотник, а лису забить не сумел! Так-то и зашёл Айлып вовсе в неведомое место. И лисички не стало. Искал, искал — нет.

«Дай, — думает, — огляжусь, где хоть я». Выбрал лиственку повыше, да и залез на самый шатёр. Глядит — недалечко от той лиственки речка с горы бежит. Небольшая речка, весёлая, с камешками разговаривает и в одном месте так блестит, что глаза не терпят. «Что, — думает, — такое?» Глядит, а за кустом, на белом камешке девица сидит красоты невиданной, неслыханной, косу через плечо перекинула и по воде конец пустила. А коса-то у ней золотая и длиной десять сажен[1].

---

[1] Примечания: 1

Сажéнь — старая русская мера длины, равная 2,13 метра.

Речка от той косы так горит, что глаза не терпят. Загляделся Айлып на девицу, а она подняла голову, да и говорит:

— Здравствуй, Айлып! Давно я от своей нянюшки-лисички про тебя наслышана. Будто ты всех больше да краше, всех сильнее да удачливее. Не возьмёшь ли меня замуж?

— А какой, — спрашивает, — за тебя калым[2] платить?

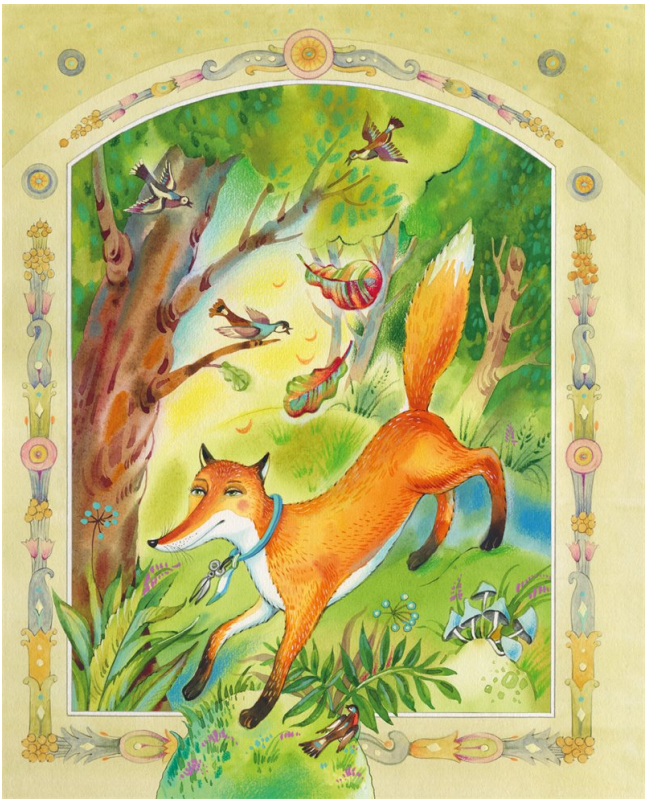
— Какой, — отвечает, — калым, коли мой тятенька всему золоту хозяин. Да и не отдаст он меня добром. Убегом надо, коли смелости да ума хватит.

Айлып рад-радёхонек. Соскочил с лиственки, подбежал к тому месту, где девица сидела, да и говорит:

— Коли твоё желанье такое, так про меня и слов нет. На руках унесу, никому отбить не дам.

---

[2] Примечания: 2
Калы́м — выкуп за невесту.



В это время лисичка у самого камня тявкнула, ткнулась носом в землю, поднялась старушонкой сухонькой, да и говорит:

— Эх, Айлып, Айлып, пустые слова говоришь! Силой да удачей похваляешься. А не мог вот в меня стрелу пустить.

— Правда твоя, — отвечает. — В первый раз со мной такая оплошка случилась.

— То-то и есть! А тут дело похитрее будет. Эта девица — Полозова дочь, прозывается Золотой Волос. Волосы у неё из чистого золота. Ими она к месту и прикована. Сидит да косу полощет, а весу не убывает. Попытай вот, подыми её косыньку — узнаешь, впору ли тебе её снести.

Айлып — ну, он из людей на отличку — вытащил косу и давай её на себя наматывать. Намотал сколько-то рядов, да и говорит той девице:

— Теперь, милая моя невестушка Золотой Волос, мы накрепко твоей косой связаны. Никому нас не разлучить!

С этими словами подхватил девицу на руки, да и пошёл. Старушонка ему ножницы в руку суёт.

— Возьми-ко ты, скороумный, хоть это.

— На что мне? Разве у меня ножа нет?

Так бы и не взял Айлып, да невеста его Золотой Волос говорит:

— Возьми — пригодятся, не тебе, так мне.

Вот пошёл Айлып лесом. С лиственки-то он понял маленько, куда править. Сперва бойко шёл, только и ему тяжело, даром что сила была — с людьми не сравнишь. Невеста видит — Айлып притомился — и говорит:

— Давай, я сама пойду, а ты косу понесёшь. Легче всё ж таки будет. Дальше уйдём, а то хватится меня тятенька, живо притянет.

— Как, — спрашивает, — притянет?

— Сила, — отвечает, — ему такая дана: золото, какое он пожелает, к себе в землю притягивать. Пожелает вот взять мои волосы, и уж тут никому против не устоять.

— Это ещё поглядим! — отвечает Айлып, а невеста его Золотой Волос только усмехнулась.

Разговаривают так-то, а сами идут да идут. Золотой Волос ещё и поторапливает:

— Подальше бы нам выбраться. Может, тогда тятенькиной силы не хватит.

Шли-шли, невмоготу стало.

— Отдохнём маленько, — говорит Айлып. И только они сели на траву, так их в землю и потянуло. Золотой Волос успела-таки, ухватила ножницы, да и перестригла волосы, какие Айлып на себя намотал. Тем только он и ухранился. Во-

лосы в землю ушли, а он поверх остался. Вдавило всё ж таки его, а невесты не стало. Не стало и не стало, будто вовсе не было. Выбился Айлып из ямины и думает: «Это что же? Невесту из рук отняли и неведомо кто! Ведь это стыд моей голове! Никогда тому не бывать! Живой не буду, а найду её».

И давай он в том месте, где девица та сидела, землю копать. День копает, два копает, а толку мало. Силы, вишь, у Айлыпа много, а струменту — нож да шапка. Много ли ими сделаешь.

«Надо, — думает, — заметку положить да домой сходить, лопату и протча притащить».

Только подумал, а лисичка, которая его в те места завела, тут как тут. Сунулась носом в землю, старушонкой сухонькой поднялась, да и говорит:

— Эх ты, скороум, скороум! Ты золото добывать собрался али что?

— Нет, — отвечает, — невесту свою отыскать хочу.

— Невеста твоя, — говорит, — давным-давно на старом месте сидит, слёзы точит да косу в речке мочит. А коса у ней стала двадцать сажен. Теперь и тебе не в силу будет ту косу поднять.

— Как же быть, тётушка? — спросил Айлып.

— Давно бы, — говорит, — так. Сперва спроси да

узнай, потом за дело берись. А дело твоё будет такое. Ступай ты домой, да и живи так, как до этого жил. Если в три года невесту свою Золотой Волос не забудешь, опять за тобой приду. Один побежишь искать, тогда вовсе её больше не увидишь.

Не привык Айлып так-то ждать, ему бы схвату да сразу, а ничего не поделаешь — надо. Пригорюнился и пошёл домой.

Ох, только и потянулись эти три годочка! Весна придёт, и той не рад — скорее бы она проходила. Люди примечать стали — что-то подеялось с нашим Айлыпом. На себя не походит. Родня, та прямо приступает:

— Ты здоров ли?

Айлып ухватит человек пять подюжее на одну руку, поднимет кверху, покрутит да скажет:

— Ещё про здоровье спроси — вон за ту горку всех побросаю.

Свою невесту Золотой Волос из головы не выпускает. Так и сидит она у него перед глазами. Охота хоть сдалека поглядеть на неё, да наказ той старушонки помнит, не смеет.

Только вот когда третий год пошёл, увидел Айлып девчонку одну. Молоденькая девчоночка, из себя чернявенькая и весёлая, вот как птичка-синичка. Всё бы ей подскакивать да хвостиком

помахивать. Эта девчоночка мысли у Айлыпа и перешибла. Заподумывал он:

«Все, дескать, люди в моих-то годах давным-давно семьями обзавелись, а я нашёл невесту да и ту из рук упустил. Хорошо, что никто об этом не знает: засмеяли бы! Не жениться ли мне на этой чернявенькой? Там-то ещё выйдет либо нет, а тут калым заплатил и бери жену. Отец с матерью рады будут её отдать, да и она, по всему видать, плакать не станет».

Подумает так, потом опять свою невесту Золотой Волос вспомнит, только уж не по-старому. Не столь её жалко, сколь обидно — из рук вырвали. Нельзя тому попускаться!

Как кончился третий год, увидел Айлып ту лисичку. Стрелу про неё не готовил, а пошёл, куда та лисичка повела, только дорогу примечать стал: где лесину затешет, где на камне свою тамгу[3] выбьет, где ещё какой знак поставит. Пришли к той же речке. Сидит тут девица, а коса у неё вдвое больше стала. Подошёл Айлып, поклонился:

— Здравствуй, невеста моя любезная Золотой Волос!

— Здравствуй, — отвечает, — Айлып! Не кручинься, что коса у меня больше стала. Она много полегчала. Видно, крепко обо мне помнил. Каждый день чуяла — легче да легче стаёт. Напоследок только заминка вышла. Не забывать ли стал? А то, может, кто другой помешал?

Спрашивает, а сама усмехается, вроде как знает. Айлыпу стыдно сперва сказать-то было, потом решился, начистоту всё выложил — на девчонку-де чернявенькую заглядываться стал, жениться подумывал.

---

[3] Примечания: 3
Тамга́ — знак рода.

Золотой Волос на это и говорит:

— Это хорошо, что ты по совести всё сказал. Верю тебе. Пойдём поскорее. Может, удастся нам на этот раз убежать, где тятенькина сила не возьмёт.

Вытащил Айлып косу из речки, намотал на себя, взял у няни-лисички ножницы, и пошли они лесом домой. Дорожка-то у Айлыпа меченая. Ходко идут. До ночи шли. Как вовсе темно стало, Айлып и говорит:

— Давай полезем на дерево. Может, сила твоего отца не достанет нас с дерева-то.

— И то правда, — отвечает Золотой Волос.

Ну, а как двоим на дерево залезать, коли они косой-то, как верёвкой, связаны. Золотой Волос и говорит:

— Отстригнуть надо. Зря эку тягость на себе таскаем. Хватит, если до пят хоть оставить.

Ну, Айлыпу жалко.

— Нет, — говорит, — лучше так сохранить. Волосы-то, вишь, какие мягкие да тонкие! Рукой погладить любо.

Вот размотал с себя Айлып косу. Полезла сперва на дерево Золотой Волос.

Ну, женщина — непривычно дело — не может. Айлып ей так-сяк подсобляет — взлепилась-таки

до сучков. Айлып за ней живёхонько и косу её всю с земли поднял. По сучкам ещё взмостились сколько да в самом том месте, где вовсе густой плетень, останов и сделали.

— Тут и переждём до свету, — говорит Айлып, а сам давай свою невесту косой-то к сучкам припутывать — не свалилась бы, коли задремать случится. Привязал хорошо да ещё похвалился:

— Ай-яй крепко! Теперь сосни маленько, а я покараулю. Как свет, так и разбужу.

Золотой Волос, и верно, скорёхонько уснула, да и сам Айлып заподрёмывал.

Такой, слышь-ко, сон навалился, никак отогнать не может. Глаза протрёт, головой повертит, так-сяк поворочается — нет, не может тот сон одолеть.

Так вот голову-то и клонит. Птица-филин у самого дерева вьётся, беспокойно кричит — фубу! фубу! — ровно упреждает: берегитесь, дескать. Только Айлыпу хоть бы что — спит себе, похрапывает и сон видит, будто подъезжает он к своему кошу[4], а из коша его жена Золотой Волос навстречу выходит. И всех-то она краше да милее, а коса у ней так золотой змеёй и бежит,

---

[4] Примечания: 4

Кош — летнее жилище кочевников.

будто живая.

В самую полночь вдруг сучья затрещали — загорелись. Айлыпа обожгло и на землю сбросило. Видел только, что из земли большое огненное кольцо засверкало и невеста его Золотой Волос стала как облачко — из мелких-мелких золотых искорок. Подлетели искорки к тому кольцу и потухли. Подбежал Айлып — ничем-ничего, и потёмки опять, хоть глаз выколи. Шарит руками по земле…

Ну, трава да камешки, да сор лесной. В одном месте нашарил-таки конец косы. Сажени две, а то и больше. Повеселел маленько Айлып:

«Памятку оставила и знак подала. Можно, видно, добиться, что не возьмёт отцова сила её косу».

Подумал так, а лисичка уж под ногами потявкивает. Сунулась носом в землю, поднялась старушонкой сухонькой, да и говорит:

— Эх ты, Айлып скороумный! Тебе что надо: косу али невесту?

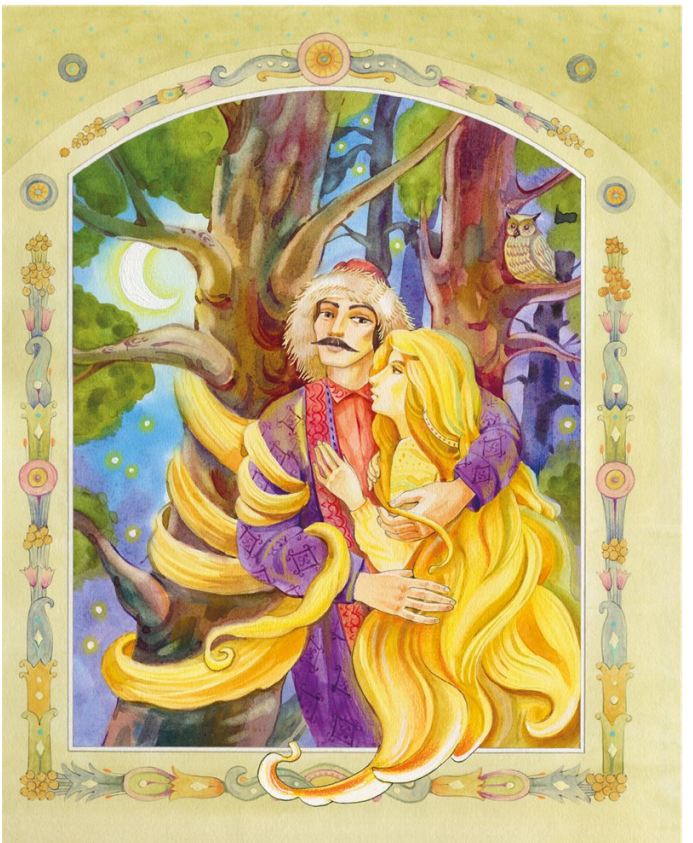
— Мне, — отвечает, — невесту мою надо с золотой косой на двадцать сажен.

— Опоздал, — говорит, — коса-то теперь стала тридцать сажен.

— Это, — отвечает Айлып, — дело второе. Мне

бы невесту мою любезную достать.

— Так бы и говорил. Вот тебе мой последний сказ. Ступай домой и жди три года. За тобой больше не приду, сам дорогу ищи. Приходи, смотри, час в час, не раньше и не позже. Покланяйся ещё дедку Филину, не прибавит ли тебе ума.



Сказала — и нет её. Как светло стало, пошёл Айлып домой, а сам думает: «Про какого это она филина сказывала? Мало ли их в лесу. Которому кланяться?»

Думал-думал, да и вспомнил — как на дереве сидел, так вился один у самого носу и всё кричал — фубу! фубу! — будто упреждал: берегись, дескать.

«Беспременно про этого говорила», — решил Айлып и воротился к тому месту.

Просидел до вечера и давай кричать:

— Дедко Филин! Научи уму-разуму! Укажи дорогу.

Кричал-кричал — никто не отозвался. Только Айлып терпеливым стал. Ещё день переждал н опять кричит. И на этот раз никто не отозвался. Айлып третий день переждал. Вечером только крикнул:

— Дедко Филин! — А с дерева-то сейчас:

— Фубу! Тут я. Кому надо?

Рассказал Айлып про свою незадачу, просит пособить, коли можно, а Филин и говорит:

— Фубу! Трудно, сынок, трудно!

— Это, — отвечает Айлып, — не горе, что трудно. Сколь силы да терпенья хватит, все положу, только бы мне невесту мою добыть.

— Фубу! Дорогу скажу! Слушай!

И тут Филин рассказал по порядку:

— Полозу в здешних местах большая сила дана. Он тут всему золоту полный хозяин: у кого хочешь отберёт. И может Полоз всё место, где золото родится, в своё кольцо взять. Три дня на коне скачи, и то из этого кольца не уйдёшь. Только есть всё ж таки в наших краях одно место, где Полозова сила не берёт. Ежели со сноровкой, так можно и с золотом от Полоза уйти. Ну, недёшево это стоит — обратного ходу не будет.

Айлып и давай просить:

— Сделай милость, покажи это место.

— Показать-то, — отвечает, — не смогу, потому глазами с тобой разошлись: днём я не вижу, а ночью тебе не углядеть, куда полечу.

— Как же, — спрашивает, — быть?

Дедко Филин тогда и говорит:

— Приметку надёжную скажу. Побегай, погляди по озёрам и увидишь — в одном посерёдке камень тычком стоит вроде горки. С одной стороны сосны есть, а с трёх — голым-голо, как стены выложены. Вот это место и есть. Кто с золотом доберётся до этого камня, тому ход откроется вниз, под озеро. Тут уж Полозу не взять.

Айлып перевёл всё это в голове и смекнул — на

озеро Иткуль приходится. Обрадовался, кричит:

— Знаю это место.

Филин своё толмит[5]:

— А ты побегай всё-таки, погляди, чтоб оплошки не случилось.

— Ладно, — говорит, — погляжу.

А Филин напоследок ещё добавил:

— Фубу! Про то не забудь: от Полоза уйдёшь, обратного ходу не будет.

Поблагодарил Айлып дедку Филина и пошёл домой. Вскорости нашёл он то озеро с камнем в середине и сразу смекнул: «В день до этого места не добежать, беспременно надо конскую дорогу наладить».

Вот и принялся Айлып дорогу прорубать. Лёгкое ли дело одному-то да по густому лесу на сотню вёрст с лишком! Когда и вовсе из сил выбьется. Вытащит тогда косу — конец-то ему достался, — посмотрит, полюбуется, рукой погладит и ровно силы наберёт да опять за работу. Так у него три-то года незаметно и промелькнули, только-только успел всё сготовить.

Час в час пришёл Айлып за своей невестой. Вытащил её косу из речки, намотал на себя,

---

[5] Примечания: 5

Толми́ть — твердить.

и побежали они бегом по лесу. Добежали до прорубленной дорожки, а там шесть лошадей приготовлено. Сел Айлып на коня, невесту свою посадил на другого, четвёрку на повода взял, да и припустили, сколько конской силы хватило. Притомится пара — на другую пересядут да опять гнать. А лисичка впереди. Так и стелет, так и стелет, коней задорит — не догнать-де. К вечеру успели-таки до озера добраться. Айлып сразу на челночок, да и перевёз невесту свою с лисичкой к озёрному камню. Только подплыли — в камне ход открылся; они туда, а в это время как раз и солнышко закатилось.

Ох, что только тут, сказывают, было! Что только было!

Как солнышко село, Полоз всё то озеро в три ряда огненными кольцами опоясал. По воде-то во все стороны золотые искры так и побежали. Дочь свою всё ж таки вытащить не мог. Филин Полозу вредил. Сел на озёрный камень, да и заладил одно:

— Фубу! фубу! фубу!

Прокричит этак три раза, огненные кольца и потускнеют маленько — вроде остывать станут. А как разгорятся снова да золотые искры шибко по воде побегут, Филин опять закричит.

Не одну ночь Полоз тут старался. Ну, не мог. Сила не взяла.

С той поры на заплесках[6] озера золото и появилось. Где речек старых и следа нет, а золото — есть. И всё, слышь-ко, чешуйкой да ниточкой, а жужелкой либо крупным самородком вовсе нет. Откуда ему тут, золоту, быть? Вот и сказывают, что из золотой косы Полозовой дочки натянуло. И много ведь золота. Потом, уж на моих памятях, сколько за эти заплески ссоры было у башкир с каслинскими заводчиками.

---

[6] Примечания: 6
Запле́сок — низкий берег, заливаемый волнами.

А тот Айлып со своей женой Золотой Волос так под озером и остался. Луга у них там, табуны конские, овечьи. Однем словом, приволье. Выходит, сказывают, Золотой Волос на камень. Видали люди. На заре будто выйдет и сидит, а коса у ней золотой змеёй по камню вьётся. Красота будто! Ох, и красота!

Ну, я не видал. Не случалось. Лгать не стану.

Про великого полоза

Жил в заводе мужик один. Левонтьем его звали. Старательный такой мужичок, безответный. Смолоду его в горе держали, на Гумёшках то есть. Медь добывал. Так под землёй все молодые годы и провёл. Как червяк в земле копался. Свету не видел, позеленел весь. Ну, дело известное — гора. Сырость, потёмки, дух тяжёлый. Ослаб человек. Приказчик видит — мало от его толку, и удобрился перевести Левонтия на другую работу — на Поскакуху отправил, на казённый прииск золотой. Стал, значит, Левонтий на прииске робить[7]. Только это мало делу помогло. Шибко уж он нездоровый стал. Приказчик поглядел-поглядел, да и говорит:

— Вот что, Левонтий, старательный ты мужик, говорил я о тебе барину, а он и придумал наградить тебя. Пускай, — говорит, — на себя старается. Отпустить его на вольные работы, без оброку.

Это в ту пору так делывали. Изробится человек, никуда его не надо, ну и отпустят на вольную работу.

---

[7] Примечания: 7
Ро́бить — работать.

Вот и остался Левонтий на вольных работах. Ну, пить-есть надо, да и семья того требует, чтобы где-нибудь кусок добыть. А чем добудешь, коли у тебя ни хозяйства, ничего такого нет. Подумал-подумал, пошёл стараться, золото добывать. Привычное дело с землёй-то, струмент тоже не ахти какой надо. Расстарался, добыл и говорит ребятишкам:

— Ну, ребятушки, пойдём, видно, со мной золото добывать. Может, на ваше ребячье счастье и расстараемся, проживём без милостины.

А ребятишки у него вовсе ещё маленькие были. Чуть побольше десятка годов им.

Вот и пошли наши вольные старатели. Отец еле ноги передвигает, а ребятишки — мал-мала меньше — за ним поспешают.

Тогда, слышь-ко, по Рябиновке верховое золото сильно попадать стало. Вот туда и Левонтий заявку сделал. В конторе тогда на этот счёт просто было. Только скажи да золото сдавай. Ну, конечно, и мошенство было. Как без этого. Замечали конторски, куда народ бросается, и за сдачей следили. Увидят — ладно пошло, сейчас то место под свою лапу. Сами, говорят, тут добывать будем, а вы ступайте куда в другое место. Заместо разведки старатели-то у них были. Те, конечно,

опять свою выгоду соблюдали. Старались золото не оказывать. В контору сдавали только, чтобы сдачу отметить, а сами все больше тайным купцам стуряли[8]. Много их было, этих купцов-то. До того, слышь-ко, исхитрились, что никакая стража их уличить не могла. Так, значит, и катался обман-от шариком. Контора старателей обвести хотела, а те опять её. Вот какие порядки были. Про золото стороной дознаться только можно было.

Левонтию, однако, не потаили — сказали честь честью. Видят, какой уж он добытчик. Пускай хоть перед смертью потешится.

Пришёл это Левонтий на Рябиновку, облюбовал место и начал работать. Только силы у него мало. Живо намахался, еле жив сидит, отдышаться не может. Ну, а ребятишки, какие они работники? Всё ж таки стараются. Поробили как-то с неделю либо больше, видит Левонтий — пустяк дело, на хлеб не сходится. Как быть? А самому всё хуже да хуже. Исчах совсем, но неохота по миру идти и на ребятишек сумки надевать[9]. Пошёл в субботу сдать в контору золотишко, какое намыл, а ребятам наказал:

---

[8] Примечания: 8
Стуря́ть — сбывать.

[9] Примечания: 9
Просить милостыню.

— Вы тут побудьте, струмент покараульте, а то таскать-то его взад-вперёд ни к чему нам.

Остались, значит, ребята караульщиками у шалашика. Сбегал один на Чусову-реку. Близко она тут. Порыбачил маленько. Надёргал пескозобишков, окунишков, и давай они ушку себе гоношить. Костёр запалили, а дело к вечеру. Боязно ребятам стало.

Только видят — идёт старик, заводской же. Семёнычем его звали, а как по фамилии — не упомню. Старик этот из солдат был. Раньше-то, сказывают, самолучшим кричным мастером значился, да согрубил что-то приказчику, тот его и велел в пожарную отправить — пороть, значит. А этот Семёныч не стал даваться, рожи которым покарябал, как он сильно проворный был. Известно, кричный мастер. Ну, всё ж таки обломали. Пожарники-то тогда здоровущие подбирались. Выпороли, значит, Семёныча и за буйство в солдаты сдали. Через двадцать пять годов он и пришёл в завод-от вовсе стариком, а домашние у него за это время все примёрли, избушка заколочена стояла. Хотели уж её разбирать. Шибко некорыстна была. Тут он и объявился. Подправил свою избушку и живёт потихоньку, один-одинёшенек. Только стали соседи

замечать — неспроста дело. Книжки какие-то у него. И каждый вечер он над ими сидит. Думали, может, умеет людей лечить. Стали с этим подбегать. Отказал. «Не знаю, — говорит, — этого дела. И какое тут может леченье быть, коли такая ваша работа». Думали, может, веры какой особой. Тоже не видно. В церкву ходит о Пасхе да о Рождестве, как обыкновенно мужики, а приверженности не оказывает. И тому опять дивятся — работы нет, а чем-то живёт. Огородишко, конечно, у него был. Ружьишко немудрящее имел, рыболовную снасть тоже. Только разве этим проживёшь? А деньжонки, промежду прочим, у него были. Бывало, кое-кому и давал. И чудно этак. Иной просит-просит, заклад даёт, набавку, какую хошь, обещает, а не даст. К другому сам придёт:

— Возьми-ка, Иван или там Михайло, на корову. Ребятишки у тебя маленькие, а подняться, видать, не можешь. — Однем словом, чудной старик. Чертознаем его считали. Это больше за книжки-то.

Вот подошёл этот Семёныч, поздоровался. Ребята радёхоньки, зовут его к себе:

— Садись, дедушко, похлебай ушки с нами.

Он не посупорствовал, сел. Попробовал ушки и давай нахваливать — до чего-де навариста да

скусна. Сам из сумы хлебушка мяконького достал, ломоточками порушал и перед ребятами грудкой положил. Те видят — старику ушка поглянулась, давай уплетать хлебушко-то, а Семёныч одно своё — ушку нахваливает, давно, дескать, так-то не едал. Ребята под этот разговор и наелись как следует. Чуть не весь стариков хлеб съели. А тот знай похмыкивает:

— Давно так-то не едал.

Ну, наелись ребята, старик и стал их спрашивать про их дела. Ребята обсказали ему всё по порядку, как отцу от заводской работы отказали и на волю перевели, как они тут работали. Семёныч только головой покачивает да повздыхивает: охо-хо, да охо-хо. Под конец спросил:

— Сколь намыли?

Ребята говорят:

— Золотник[10], а может, поболе — так тятенька сказывал.

Старик встал и говорит:

— Ну, ладно, ребята, надо вам помогчи. Только вы уж помалкивайте. Чтоб ни-ни. Ни одной душе живой, а то… — и Семёныч так на ребят поглядел, что им страшно стало. Ровно вовсе не Семёныч это. Потом опять усмехнулся и говорит:

— Вот что, ребята, вы тут сидите у костерка и меня дожидайтесь, а я схожу — покучусь[11] кому надо. Может, он вам поможет. Только, чур, не бояться, а то всё дело пропадёт. Помните это хорошенько.

И вот ушёл старик в лес, а ребята остались. Друг

---

[10] Примечания: 10

Золотни́к — старая русская мера веса, равная 4,26 грамма.

[11] Примечания: 11

Поку́читься — пожаловаться, попросить.

на друга поглядывают и ничего не говорят. Потом старший насмелился и говорит тихонько:

— Смотри, братко, не забудь, чтобы не бояться, — а у самого губы побелели и зубы чакают. Младший на это отвечает:

— Я, братко, не боюсь, — а сам помучнел весь.

Вот сидят так-то, дожидаются, а ночь уж совсем, и тихо в лесу стало. Слышно, как вода в Рябиновке шумит. Прошло довольно дивно времечка, а никого нет, у ребят испуг и отбежал. Навалили они в костёр хвои, ещё веселее стало.

Вдруг слышат — в лесу разговаривают. Ну, думают, какие-то идут. Откуда в экое время? Опять страшно стало.

И вот подходят к огню двое. Один-то Семёныч, а другой с ним незнакомый какой-то и одет не по-нашенски. Кафтан это на ём, штаны — всё жёлтое, из золотой, слышь-ко, поповской парчи[12], а поверх кафтана широкий пояс с узорами и кистями, тоже из парчи, только с зеленью. Шапка жёлтая, а справа и слева красные зазорины, и сапожки тоже красные. Лицо жёлтое, в окладистой бороде, а борода вся в тугие кольца завилась. Так и видно, не разогнёшь их. Только

---

[12] Примечания: 12

Парча́ — ткань с золотыми или серебряными нитями.

глаза зелёные и светят, как у кошки. А смотрят по-хорошему, ласково. Мужик такого же росту, как Семёныч, и не толстый, а, видать, грузный. На котором месте стал, под ногами у него земля вдавилась. Ребятам всё это занятно, они и бояться забыли, смотрят на того человека, а он и говорит Семёнычу шуткой так:

— Это вольны-то старатели? Что найдут, всё заберут? Никому не оставят?

Потом прихмурился и говорит Семёнычу, как советует с им:

— А не испортим мы с тобой этих ребятишек?

Семёныч стал сказывать, что ребята не балованные, хорошие, а тот опять своё:

— Все люди на одну колодку. Пока в нужде да в бедности, ровно бы и ничего, а как за моё охвостье поймаются, так откуда только на их всякой погани налипнет.

Постоял, помолчал и говорит:

— Ну, ладно, попытаем. Малолетки, может, лучше окажутся. А так ребятки ладненьки, жалко будет, ежели испортим. Меньшенький-то вон тонкогубик. Как бы жадный не оказался. Ты уж понастуй[13] сам, Семёныч. Отец-то у них не жи-

---

[13] Примечания: 13

На́стовать — следить, наставлять, учить.

лец. Знаю я его. На ладан дышит, а тоже старается сам кусок заработать. Самостоятельный мужик. А вот дай ему богатство — тоже испортится.

Разговаривает так-то с Семёнычем, будто ребят тут и нет. Потом посмотрел на них и говорит:

— Теперь, ребятушки, смотрите хорошенько. Замечайте, куда след пойдёт. По этому следу сверху и копайте. Глубоко не лезьте, ни к чему это.

И вот видят ребята — человека того уж нет. Которое место до пояса — всё это голова стала, а от пояса шея. Голова точь-в-точь такая, как была, только большая, глаза ровно по гусиному яйцу стали, а шея змеиная.

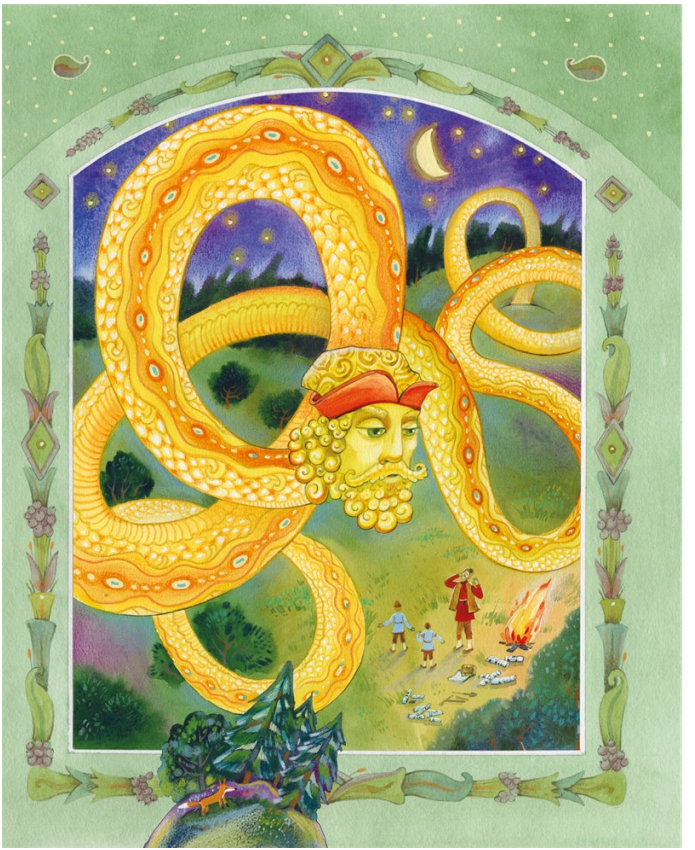
И вот из-под земли стало выкатываться тулово преогромного змея. Голова поднялась выше леса. Потом тулово выгнулось прямо на костёр, вытянулось по земле, и поползло это чудо к Рябиновке, а из земли всё кольца выходят да выходят. Ровно им и конца нет. И то диво, костёр-то потух, а на полянке светло стало. Только свет не такой, как от солнышка, а какой-то другой, и холодом потянуло. Дошёл змей до Рябиновки и полез в воду, а вода сразу и замёрзла по ту и по другую сторону. Змей перешёл на другой берег, дотянулся до старой берёзы, которая тут стояла, и кричит:

— Заметили? Тут вот и копайте! Хватит вам по

сиротскому делу. Чур, не жадничайте!

Сказал так-то и ровно растаял. Вода в Рябиновке опять зашумела, и костерок оттаял и загорелся, только трава будто всё ещё озябла, как иней её прихватил.

Семёныч и объяснил ребятам:



— Это есть Великий Полоз. Всё золото в его власти. Где он пройдёт — туда оно и подбежит. А ходить он может и по земле, и под землёй, как ему надо, и места может окружить, сколько хочет. Оттого вот и бывает — найдут, например, люди хорошую жилку, и случится у них какой обман, либо драка, а то и смертоубийство, и жилка потеряется. Это, значит, Полоз побывал тут и отвёл золото. А то вот ещё… Найдут старатели хорошее, россыпное золото, ну, и питаются. А контора вдруг объявит — уходите, мол, за казну это место берём[29], сами добывать будем. Навезут это машин, народу нагонят, а золота-то и нету. И вглубь бьют и во все стороны лезут — нету, будто вовсе не бывало. Это Полоз окружил всё то место да пролежал так-то ночку, золото и стянулось всё по его-то кольцу. Попробуй, найди, где он лежал. Не любит, вишь, он, чтобы около золота обман да мошенство были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял. Ну, а если для себя стараются, тем ничего, поможет ещё когда, вот как вам. Только вы смотрите, молчок про эти дела, а то всё испортите. И о том старайтесь, чтобы золото не рвать. Не на то он вам его указал,

[29] Примечания: 29

За казну это место берём — это место переходит в собственность государства.

чтобы жадничали. Слышали, что говорил-то? Это не забывайте первым делом. Ну, а теперь спать ступайте, а я посижу тут у костерка.

Ребята послушались, ушли в шалашик, и сразу на их сон навалился. Проснулись поздно. Другие старатели уж давно работают. Посмотрели ребята один на другого и спрашивают:

— Ты, братко, видел вчера что-нибудь?

Другой ему:

— А ты видел?

Договорились всё ж таки. Заклялись, забожились, чтобы никому про то дело не сказывать и не жадничать, и стали место выбирать, где дудку бить[14]. Тут у них маленько спор вышел. Старший парнишечко говорит:

— Надо за Рябиновкой у берёзы начинать. На том самом месте, с коего Полоз последнее слово сказал.

Младший уговаривает:

— Не годится так-то, братко. Тайность живо наружу выскочит, потому — другие старатели сразу набегут полюбопытствовать, какой, дескать, песок пошёл за Рябиновкой. Тут всё и откроется.

Поспорили так-то, пожалели, что Семёныча

---

[14] Примечания: 14

Ду́дка — круглый колодец, который копают для поисков золота.

нет, посоветовать не с кем, да углядели — как раз посерёдке вчерашнего огневища воткнут берёзовый колышек.

«Не иначе, это Семёныч нам знак оставил», — подумали ребята и стали на том месте копать.

И сразу, слышь-ко, две золотые жужелки залетели, да и песок пошёл не такой, как раньше. Совсем хорошо у них дело спервa направилось. Ну, потом свихнулось, конечно. Только это уж другой сказ будет.

Змеиный след

Те ребята, Левонтьевы-то, коим Полоз богатство показал, стали поправляться житьишком. Даром, что отец вскоре помер, они год от году лучше да лучше живут. Избу себе поставили. Не то чтобы дом затейливой, а так — избушечка справная. Коровёнку купили, лошадь завели, овечек до трёх голов в зиму пускать стали. Мать-то нарадоваться не может, что хоть в старости свет увидела.

А всё тот старичок — Семёныч-от — настовал. Он тут всему делу голова. Научил ребят, как с золотом обходиться, чтобы и контора не шибко примечала, и другие старатели не больно зарились. Хитро ведь с золотишком-то! На все стороны оглядывайся. Свой брат-старатель подглядывает, купец, как коршун, зорит, и конторско начальство в глазу держит. Вот и поворачивайся! Одним-то малолеткам где с таким делом управиться! Семёныч всё им и показал. Однем словом, обучил.

Живут ребята. В годы входить стали, а всё на старом месте стараются. И другие старатели не уходят. Хоть некорыстно, а намывают, видно… Ну,

а у ребят тех и вовсе ладно. Про запас золотишко оставлять стали. Только заводское начальство углядело — неплохо сироты живут. В праздник какой-то, как мать из печки рыбный пирог доставала, к ним и пых заводской рассылка:

— К приказчику ступайте! Велел немедля.

Пришли, а приказчик на них и накинулся:

— Вы до которой поры шалыганить[15] будете? Гляди-ко — в версту вымахал каждый, а на барина единого дня не рабатывал! По каким таким правам? Под красну шапку[16] захотели али как?

Ребята объясняют, конечно:

— Тятеньку, дескать, покойного, как он вовсе из сил выбился, сам барин на волю отпустил. Ну, мы и думали…

— А вы, — кричит, — не думайте, а кажите актову бумагу, по коей вам воля прописана!

У ребят, конечно, никакой такой бумаги не бывало, они и не знают, что сказать.

Приказчик тогда и объявил:

— По пяти сотен несите — дам бумагу.

Это он, видно, испытывал, не объявят ли ребята деньги. Ну, те укрепились.

---

[15] Примечания: 15
Шалыга́нить — бездельничать.

[16] Примечания: 16
В солдаты.

— Если, — говорит младший, — всё наше хозяйство до ниточки продать, так и то половины не набежит.

— Когда так, выходите с утра на работу. Нарядчик скажет куда. Да, глядите, не опаздывать к разнарядке! В случае — выпорю для первого разу!

Приуныли наши ребятушки. Матери сказали, та и вовсе вой подняла:

— Ой, да что же это, детоньки, подеялось! Да как мы теперь жить станем!

Родня, соседи набежали. Кто советует прошенье барину писать, кто велит в город к горному начальству идти, кто прикидывает, на сколь всё хозяйство вытянет, ежели его продать. Кто опять пужает:

— Пока, дескать, то да сё, приказчиковы подлокотники живо схватят, выпорют да и в гору. Прикуют там цепями, тогда ищи управу!

Так вот и удумывали всяк по-своему, а того никто не домекнул, что у ребят, может, впятеро есть против приказчикова запросу, только объявить боятся. Про это, слышь-ко, и мать у них не знала. Семёныч, как ещё в живых был, часто им твердил:

— Про золото в запасе никому не сказывай,

особливо женщине. Мать ли, жена, невеста — всё едино помалкивай. Мало ли случай какой. Набежит, примерно, горная стража, обыскивать станут, страстей всяких насулят. Женщина иная и крепкая на слово, а тут забоится, как бы сыну либо мужу худа не вышло, возьмёт да и укажет место, а стражникам того и надо. Золото возьмут и человека загубят. И женщина та, глядишь, за свою неустойку головой в воду либо петлю на шею. Бывалое это дело. Остерегайтесь! Как потом в годы войдёте да женитесь — не забывайте про это, а матери своей и намёку не давайте. Слабая она у вас на язык-то — похвастать своими детоньками любит.

Ребята это Семёнычево наставленье крепко помнили и про свой запас никому не сказывали. Подозревали, конечно, другие старатели, что должен быть у ребят запасец, только много ли и в котором месте хранят — не знали.

Посудачили соседи, потужили да с тем и разошлись, что утречком, видно, ребятам на разнарядку выходить.

— Без этого не миновать.

Как не стало чужих, младший брат и говорит:

— Пойдем-ко, братко, на прииск! Простимся хоть…

Старший понимает, к чему разговор.

— И то, — говорит, — пойдём. Не легче ли на ветерке голове станет.

Собрала им мать постряпенек праздничных да огурцов положила. Они, конечно, бутылку взяли и пошли на Рябиновку.

Идут — молчат. Как дорога лесом пошла, старший и говорит:

— Прихоронимся маленько.

За крутым поворотом свернули в сторону да тут у дороги и легли за шиповником. Выпили по стакашку, полежали маленько, слышат — идёт кто-то. Поглядели, а это Ванька Сочень с ковшом и прочим струментом по дороге шлёпает. Будто спозаранку на прииск пошёл. Старанье на него накатило, косушку не допил! А этот Сочень у конторских в собачках ходил: где что вынюхать — его подсылали. Давно на заметке был. Не один раз его бивали, а всё не попускался своему ремеслу. Самый вредный мужичонко. Хозяйка Медной горы уж сама его потом так наградила, что вскорости он и ноги протянул. Ну, не о том разговор… Прошёл этот Сочень, братья перемигнулись. Мало погодя щегарь[17] верхом на лошадке проехал. Ещё полежали — сам Пименов на своем Ёршике

---

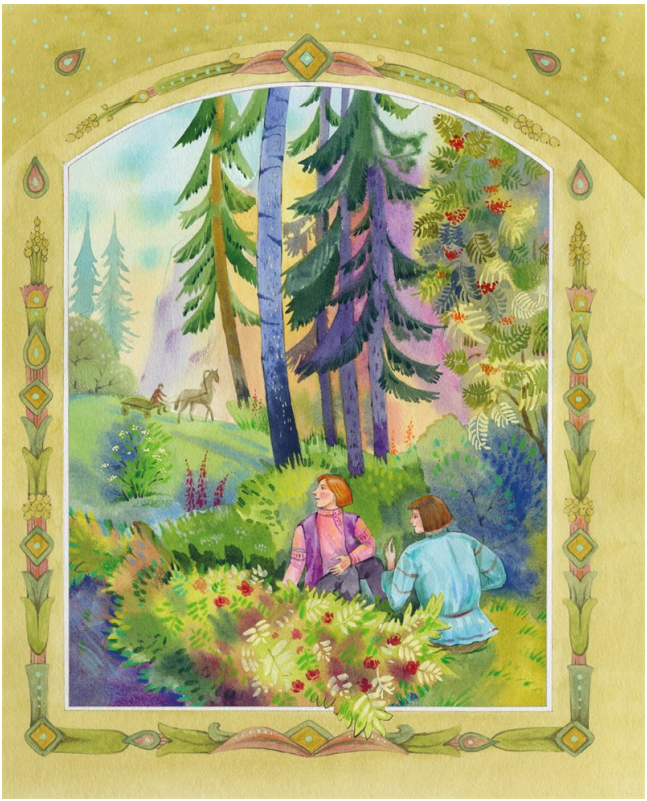
[17] Примечания: 17

Щега́рь — горный мастер (от *нем.* штейгер).

выкатил. Коробчишечко лёгонький, к дрогам удочки привязаны. На рыбалку, видно, поехал.

Этот Пименов по тому времени в Полевой самый отчаянный был — по тайному золоту. И Ёршика у него все знали. Степнячок лошадка. Собой невеличка, а от любой тройки уйдёт. Где только добыл такую! Она, сказывают, двухколодешная была, с двойным дыхом. Хоть пятьдесят верст на мах могла… Догони её! Самая воровская лошадка. Много про неё рассказывали. Ну, и хозяин тоже намятыш[18] добрый был — один на один с таким не встречайся. Не то что нынешние наследники, которые вон в том двухэтажном доме живут.

[18] Примечания: 18
Намя́тыш — силач.



Ребята как увидели этого рыболова, так и засмеялись. Младший поднялся из-за кустов да и говорит, негромко всё ж таки:

— Иван Васильевич, весы-то с тобой?

Купец видит — смеётся парень, и тоже шуткой отвечает:

— В эком-то лесу да не найти! Было бы что весить.

Потом придержал Ёршика и говорит:

— Коли дело есть, садись — подвезу.

Такая у него, слышь-ко, повадка была — золотишко на лошади принимать. Надеялся на своего Ёршика. Чуть что: «Ёршик, ударю!» — и только пыль столбом либо брызги во все стороны. Ребята отвечают: «Нет с собой», — а сами спрашивают:

— Где тебя, Иван Васильевич, искать утром на свету?

— Какое, — спрашивает, — дело — большое али пустяк?

— Будто сам не ведаешь…

— Ведать-то, — отвечает, — ведаю, да не всё. Не знаю, то ли оба откупаться собрались, то ли один сперва.

Потом помолчал да и говорит, как упреждает:

— Глядите, ребята, — зорят[19] за вами. Сочня-то видели?

— Ну, как же.

— А щегаря?

— Тоже видели.

— Ещё, поди, послали кого за вами доглядывать. Может, кто и охотой. Знают, вишь, что вам к утру деньги нужны, вот и караулят. И то поехал вас упредить.

— За то спасибо, а только мы тоже поглядываем.

— Вижу, что понаторели, а всё остерегайтесь!

— Боишься, как бы у тебя не ушло?

— Ну, моё-то верное. Другой не купит — побоится.

— А почём?

Пименов прижал, конечно, в цене-то. Ястребок ведь. От живого мяса такого не оторвёшь!

— Больше, — говорит, — не дам. Потому дело заметное.

Срядились. Пименов тогда и шепнул:

— На брезгу[20] по Плотинке проезжать буду, — подсажу… — Пошевелил вожжами: «Ступай,

---

[19] Примечания: 19
Зóрить — следить.

[20] Примечания: 20
Брезг — рассвет.

Ёршик, догоняй щегаря!»

На прощанье ещё спросил;

— На двоих али на одного готовить?

— Сами не знаем — сколь наскребётся. Полишку[21] всё ж таки бери, — ответил младший.

Отъехал купец. Братья помолчали маленько, потом младший и говорит:

— Братко, а ведь это Пименов от ума говорил. Неладно нам большие деньги сразу оказать. Худо может выйти. Отберут — и только.

— Тоже и я думаю, да быть-то как?

— Может, так сделаем! Сходим ещё к приказчику, покланяемся, не скинет ли маленько. Потом и скажем — больше четырёх сотен не наскрести, коли всё хозяйство продать. Одного-то, поди, за четыре сотни выпустит, и люди будут думать, что мы из последнего собрали.

— Так-то ладно бы, — отвечает старший, — да кому в крепости оставаться? Жеребьёвкой, видно, придется.

Тут младший и давай лебезить:

— Жеребьёвка, дескать, чего бы лучше! Без обиды… Про это что говорить… Только вот у тебя изъян… глаз повреждённый… В случае оплошки

---

[21] Примечания: 21

Поли́шку — побольше.

тебя в солдаты не возьмут, а меня чем обракуешь? Чуть что — сдадут. Тогда уж воли не увидишь. А ты бы пострадал маленько, я бы тебя живо выкупил. Году не пройдёт — к приказчику пойду. Сколь ни запросит — отдам. В этом не сумлевайся! Неуж у меня совести нет? Вместе, поди-ко, зарабатывали. Разве мне жалко!

Старшего-то у них Пантелеем звали. Он пантюхой и вышел. Простяга парень. Скажи — рубаху сымет, другого выручит. Ну, а изъян, что окривелто он, вовсе парня к земле прижал. Тихий стал — ровно все-то его больше да умнее. Слова при других сказать не умеет. Помалкивает всё.

Меньший-то, Костька, вовсе не на эту стать. Даром что в бедности с детства рос, выправился, хоть на выставку. Рослый да ядрёный… Одно худо — рыжий, скрасна даже. Позаглаза-то его все так и звали — Костька Рыжий. И хитрый тоже был. У кого с ним дело случалось, говаривали: «У Костьки не всякому слову верь. Иное он и вовсе проглотит». А подсыпаться к кому — первый мастер. Чисто лиса, так и метёт, так и метёт хвостом…

Пантюху-то Костька и оболтал живёхонько. Так всё по-Костькиному и вышло. Приказчик сотню скинул, и Костька на другой день вольную бумагу

получил, а брату будто нисхождение выхлопотал. Ему приказчик на Крылатовский прииск велел отправляться.

— Верно, — говорит, — твой-то брат сказывает. Там тебе знакомее будет. Тоже с песками больше дело. А людей всё едино, что здесь, что там, недохватка. Ладно уж, сделаю тебе нисхождение. Ступай на Крылатовско.

Так Костька и подвёл дело. Сам на вольном положении укрепился, а брата на дальний прииск столкал. Избу и хозяйство он, конечно, и не думал продавать. Так только вид делал.

Как Пантелея угнали, Костька тоже стал на Рябиновку сряжаться. Одному-то как? Чужого человека не миновать наймовать, а боится — узнают через него другие, полезут к тому месту. Нашёл всё ж таки недоумка одного. Мужик большой, а умишко маленький — до десятка счёту не знал. Костьке такого и надо.

Стал с этим недоумком стараться, видит — отощал песок. Костька, конечно, заметался повыше, пониже, в тот бок, в другой — всё одно, нет золота. Так мельтешит чуть-чуть, стараться не стоит. Вот Костька и придумал на другой берег податься — ударить под той берёзой, где Полоз останавливался. Получше пошло, а всё не то, как

при Пантелее было. Костька и тому рад, да ещё думает, — перехитрил я Полоза.

На Костьку глядя, и другие старатели на этом берегу пытать счастья стали. Тоже, видно, поглянулось. Месяца не прошло — полно народу набилось. Пришлые какие-то появились.

В одной артелке увидел Костька девчонку. Тоже рыженькая, собой тончава, а подходященька. С такой по ненастью солнышко светеет. А Костька по женской стороне шибко пакостник был. Чисто приказчик какой, а то и сам барин. Из отецких не одна девка за того Костьку слезами умывалась, а тут что… приисковая девчонка. Костька и разлетелся, только его сразу обожгло. Девчоночка ровно вовсе молоденькая, справа у ней некорыстна, а подступить непросто. Бойкая! Ты ей слово, она тебе — два, да все на издёвку. А руками чтобы — это и думать забудь. Вот Костька и клюнул тут, как язь на колобок. Жизни не рад стал, сна-спокою решился. Она и давай его водить, и давай водить.

Есть ведь из ихней сестры мастерицы. Откуда только научатся? Глядишь — ровно вовсе ещё от малолетков недалеко ушла, а все ухватки знает. Костька сам оплести кого хочешь мог, а тут другое запел.

— Замуж, — спрашивает, — пойдёшь за меня? Чтоб, значит, не как-нибудь, а честно-благородно, по закону… Из крепости тебя выкуплю.

Она, знай, посмеивается;

— Кабы ты не рыжий был!

Костьке это нож вострый — не глянулось, как его рыжим звали, — а на шутку поворачивает:

— Сама-то какая?

— То, — отвечает, — и боюсь за тебя выходить. Сама рыжая, ты — красный, ребятишки пойдут — вовсе опалёныши будут.

Когда ещё примется Пантелея хвалить. Знала как-то его. На Крылатовском будто встретила.

— Ежели бы вот Пантелей присватался, без слова бы пошла. На примете он у меня остался. Любой парень. Хоть один глазок, да хорошо глядит.

Это она нарочно — Костьку поддразнить, а он верит. Зубом скрипит на Пантелея-то, так бы и разорвал его, а она ещё спрашивает:

— Ты что же брата не выкупишь? Вместе, поди, наживали, а теперь сам на воле, а его забил в самое худое место.

— Нету, — говорит, — у меня денег для него. Пусть сам зарабатывает!

— Эх ты, — говорит, — шалыган бесстыжий!

Меньше тебя, что ли, Пантелей работал? Глаз-то он потерял в забое, поди?

Доведёт так-то Костьку до того, что закричит он:

— Убью стерву!

Она хоть бы што.

— Не знаю, — говорит, — как тогда будет, только живая за рыжего не пойду. Рыжий да шатоватый[22] — нет того хуже!

[22] Примечания: 22
Шатова́тый — тонкий, худой.

Отшибёт так Костьку, а он того больше льнёт. Всё бы ей отдал, лишь бы рыжим не звала да поласковее поглядела. Ну, подарков она не брала… Даже самой малости. Кольнёт ещё, ровно иголкой ткнёт:

— Ты бы это Пантелею на выкуп поберёг.

Костька тогда и придумал на прииске гулянку наладить. Сам смекает: «Как все-то перепьются, разбирайся тогда, кто что наработал. Заманю её куда, поглядим, что на другой день запоёт…»

Люди, конечно, примечают:

— Что-то наш Рыжий распыхался. Видно, хорошо попадать стало. Надо в его сторону удариться.

Думают так-то, а испировать на даровщинку кто отопрётся? Она — эта девчонка — тоже ничего. Плясать против Костьки вышла. На пляску, сказывают, шибко ловкая была. Костьку тут и вовсе за нутро взяло.

Думки своей всё ж таки Костька не оставил. Как понапились все, он и ухватил эту девчонку, а она уставилась глазами-то, у Костьки и руки опустились, ноги задрожали, страшно ему чего-то стало. Тогда она и говорит:

— Ты, рыжий-бесстыжий, будешь Пантелея выкупать?

Костьку как обварило этими словами. Разозлился он.

— И не подумаю, — кричит. — Лучше всё до копейки пропью!

— Ну, — говорит, — твоё дело. Было бы сказано. Пропивать пособим.

И пошла от него плясом. Чисто змея извивается, а глазами упёрлась — не смигнёт. С той поры и стал Костька такие гулянки чуть не каждую неделю заводить. А оно ведь не шибко доходно — полсотни человек допьяна поить. Приисковый народ на это жоркий. Пустяком не отойдёшь, а то ещё на смех поднимут:

— Хлебнул-де из пустой посудины на Костькиной гулянке — неделю голова болела. Другой раз позовёт, две бутылки с собой возьму. Не легче ли будет?

Костька, значит, и старался, чтоб вино и там протча в достатке было. Деньжонки, какие на руках были, скорёхонько умыл, а выработка вовсе пустяк. Опять отощал песок, хоть бросай. Недоумок, с которым работал, и тот говорит:

— Что-то, хозяин, ровно вовсе не блестит на смывке-то.

Ну, а та девчонка, знай, подзуживает:

— Что, Рыжий, приуныл? Каблуки стоптал — на

починку не хватает?

Костька давно видит — неладно у него выходит, а совладать с собой не может. «Погоди, — думает, — я тебе покажу, как у меня на починку не хватает». Золотишка-то у них с Пантелеем порядком было. В земле, известно, хранили. В своём же огороде, во втором слою. Сковырнут лопатки две сверху, а там песок с глиной… Тут и бросали. Ну, место хорошо запримечено было, до вершков всё вымерено. В случае — и горной страже приискаться нельзя. Ответ тут бывалый: «Самородное, дескать. Не знали, что эдак близко. Вон какую даль отшагивали, а оно вон где — в огороде!»

Кладовуха эта земляная, что говорить, самая верная, только вот брать-то из неё хлопотно, да и оглядываться приходится. Это у них тоже хорошо подогнано было. Кустики за банешкой посажены были, камни кучкой подобраны. Однем словом, загорожено.

Вот Костька выбрал ночку потемнее и пошёл в свою кладовуху. Снял, где надо, верхний слой, нагрёб бадью песку и в баню. Там у него вода заготовлена. Закрыл окошко, зажёг фонарь, стал смывать, и ничем-ничего — ни единой крупинки. Что, думает, такое? Неуж ошибся? Пошёл опять. Всё перемерял. Нагрёб другую бадью — даже виду

не показало. Тут Костька и остерегаться забыл — с фонарём выскочил. Оглядел ещё раз с огнём. Все правильно. В самом том месте верхушка снята. Давай ещё нагребать. Может, думает, высоко взял. Маленько показалось, только самый пустяк. Костька ещё глубже взял — та же штука: чуть блестит. Костька тут вовсе себя потерял. Давай дудку, как на прииске, бить. Только недолго ему вглубь-то податься пришлось — камень-сплошняк оказался. Обрадовался Костька: через камень, небось, и Полозу золота не увести. Тут оно где-нибудь, близко. Потом вдруг хватился: «Ведь это Пантюшка украл!»

Только подумал, а девчонка та, приисковая-то, и появилась. Потёмки ещё, а её всю до капельки видно. Высоконькая да пряменькая, стоит у самого крайчика и на Костьку глазами уставилась:

— Что, Рыжий, потерял, видно? На брата приходишь? Он и возьмёт, а тебе поглядеть осталось.

— Тебя кто звал, стерва пучешарая?

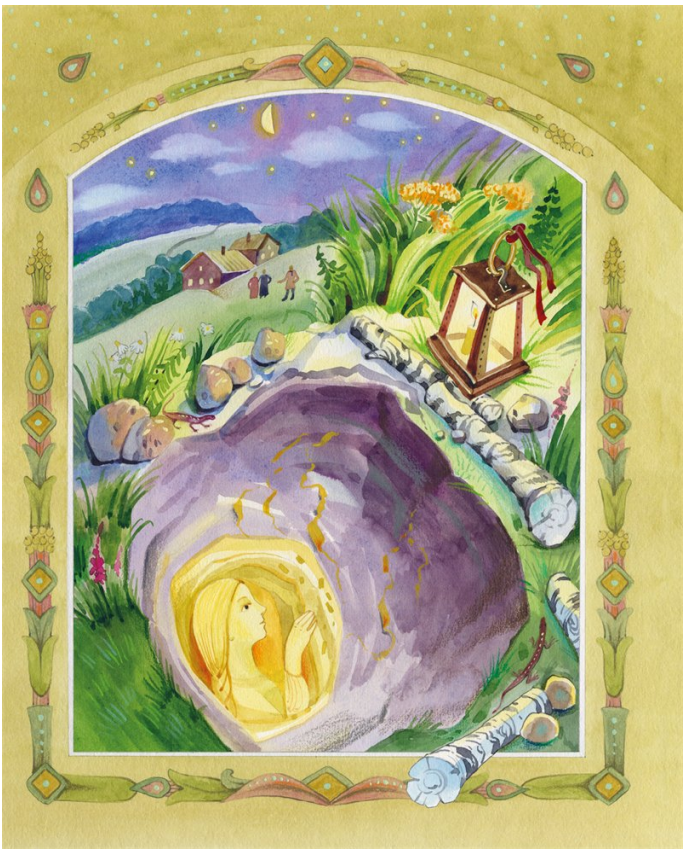
Схватил ту девчонку за ноги да что есть силы и дёрнул на себя, в яму. Девчонка от земли отстала, а всё пряменько стоит. Потом ещё вытянулась, потончала, медяницей[23] стала, перегнулась

---

[23] Примечания: 23

Медя́ница — безногая змеевидная ящерица.

Костьке через плечо, да и поползла по спине. Костька испугался, змеиный хвост из рук выпустил. Упёрлась змея головой в камень, так искры и посыпались, светло стало, глаза слепит. Прошла змея через камень, и по всему её следу золото горит, где каплями, где целыми кусками. Много его. Как увидел Костька, так и брякнулся головой о камень. На другой день мать его в дудке нашла. Лоб ровно и не сильно разбил, а умер отчего-то Костька.



На похороны с Крылатовского Пантелей пришёл. Отпустили его. Увидел в огороде дудку, сразу смекнул — с золотом что-то случилось. Беспокойно Пантелею стало. Надеялся, вишь, он через то золото на волю выйти. Хоть слышал про Костьку нехорошо, а всё верил — выкупит брат. Пошёл поглядеть. Нагнулся над дудкой, а снизу ему ровно посветил кто. Видит— на дне-то как окно круглое из толстого-претолстого стекла, и в этом стекле золотая дорожка вьётся. Снизу на Пантелея какая-то девчонка смотрит. Сама рыженька, а глаза чернёхоньки, да такие, слышь-ко, что и глядеть в них страшно. Только девчонка та ухмыляется, пальцем в золоту дорожку тычет: «Дескать, вот твоё золото, возьми себе. Не бойся!» Ласково вроде говорит, а слов не слышно. Тут и свет потух.

Пантелей испугался сперва: наважденье, думает. Потом насмелился, спустился в яму. Стекла там никакого не оказалось, а белый камень — скварец. На казённом прииске Пантелею приходилось с камнем-то этим биться. Попривык к нему. Знал, как его берут. Вот и думает:

«Дай-ко попытаю. Может, и всамделе золото тут».

Притащил, что подходящее, и давай камень

дробить в том самом месте, где золотую дорожку видел. И верно — в камне золото и не то что искорками, а большими каплями да гнёздами сидит. Богатимая жилка оказалась. До вечера-то Пантелей чистым золотом фунтов[24] пять либо шесть набил. Сходил потихоньку к Пименову, а потом и приказчику объявился.

— Так и так, желаю на волю откупиться.

Приказчик отвечает:

— Хорошее дело, только мне теперь недосуг. Приходи утречком. На прохладе об этом поговорим.

Приказчик по Костькиному-то житью, понятно, догадался, что деньги у него были немалые. Вот и придумывал, как бы Пантелея покрепче давнуть, чтоб побольше выжать. Только тут, на Пантелеево счастье, рассылка из конторы прибежал и сказывает:

— Нарочный приехал. Завтра барин из Сысерти будет. Велел все мостки на Полдневную хорошенько уладить.

Приказчик, видно, испугался, как бы всё у него из рук не уплыло, и говорит Пантелею:

— Давай пять сотенных, а по бумаге четыре

---

[24] Примечания: 24

Фунт — старая мера веса, равная 454 граммам.

запишу.

Сорвал-таки сотнягу. Ну, Пантелей рядиться не стал.

«Рви, — думает, — собака, — когда-нибудь подавишься».

Вышел Пантелей на волю. Поковырялся еще сколько-то в ямке на огороде. После и вовсе золотишком заниматься перестал.

«Без него, — думает, — спокойнее проживу».

Так и вышло. Хозяйство себе завёл, не сильно большое, а биться можно. Раз только с ним случай вышел. Это ещё когда он женился.

Ну, он кривенькой был. Невесту без затей выбрал, смиренную девушку из бедного житья. Свадьбу попросту справили. На другой день после венца-то молодая поглядела на своё обручальное кольцо и думает:

«Как его носить-то. Вон оно какое толстое да красивое. Дорогое, поди. Ещё потеряешь».

Потом и говорит мужу:

— Ты что же, Пантюша, зря тратишься? Сколько кольцо стоит?

Пантелей и отвечает:

— Какая трата, коли обряд того требует. Полтора рубля за колечко платил.

— Ни в жизнь, — говорит жена, — этому не

поверю.

Пантелей поглядел и видит — не то ведь кольцо-то. Поглядел на свою руку — и там вовсе другое кольцо, да ещё в серединке-то два чёрных камешка, как глаза горят.

Пантелей, конечно, по этим камешкам сразу припомнил девчонку, которая ему золотую дорожку в камне показала, только жене об этом не сказал. «Зачем, дескать, её зря тревожить».

Молодая всё-таки не стала то кольцо носить, купила себе простенькое. А мужику куда с кольцом? Только и поносил Пантелей, пока свадебные дни не прошли.

После Костькиной смерти на прииске хватились:

— Где у нас плясунья-то?

А её и нет. Спрашивать один другого стали — откуда хоть она? Кто говорил — с Кунгурки пристала, кто — с Мраморских разрезов пришла. Ну, разное. Известно, приисковый народ, набеглый… Досуг ему разбирать, кто ты да каких родов. Так и бросили об этом разговор.

А золотишко ещё долго на Рябиновке держалось.

Серебряное копытце

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя. Семьи у Кокована не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей — не знают ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми её.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы ростить стал. А с девчонкой как? Чему я её учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григорья да и жену его тоже. Оба весёлые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдёт, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму её. Только пойдёт ли?

Соседи объясняют:

— Плохое житьё у неё. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну[30] и велел за

---

[30] Примечания: 30

Горю́н — человек, испытавший много горя, бед.

это сиротку кормить, пока не подрастёт. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает её куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдёт от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

— И то правда, — отвечает Кокованя, — уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришёл он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит, полна изба народу, больших и маленьких. На голбчике[25], у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно. Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подарёнка?

Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так ещё кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да ещё корми её!

Кокованя и говорит:

---

[25] Примечания: 25

Го́лбчик — пристройка у русской печи, вроде лежанки.

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну, как, подарёнушка, пойдёшь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёнкой зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, — говорит, — вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю да всё увидеть не могу.

— Застрелишь его?

— Нет, — отвечает Кокованя. — Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

— Тебе на что это?

— А вот пойдёшь ко мне жить, так всё и расскажу, — ответил Кокованя.

Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит — старик весёлый да ласковый. Она и говорит:

— Пойду. Только ты эту кошку Мурёнку тоже

возьми. Гляди, какая хорошая.

— Про это, — отвечает Кокованя, — что и говорить. Такую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радёхонька, что Кокованя сиротку к себе зовёт. Стала скорей Дарёнкины пожитки[31] собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трётся у ног-то да мурлычет:

— Пр-равильно придумал. Пр-равильно.

Вот и повёл Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Дарёнка да кошка Мурёнка.

Жили-поживали, добра много не наживали, а на житьё не плакались, и у всякого дело было. Кокованя с утра на работу уходил. Дарёнка в избе прибирала, похлёбку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

---

[31] Примечания: 31

Пожи́тки — вещи (как правило, личные: одежда, обувь, посуда и т. п.).

Старик был мастер сказки сказывать, Дарёнка любила те сказки слушать, а кошка Мурёнка лежит да мурлычет:

— Пр-равильно говорит. Пр-равильно.

Только после всякой сказки Дарёнка напомнит:

— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козёл особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем — там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груда дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору, что об этом козле.

— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козёл не выше стола, ножки тоненькие, головка лёгонькая. А Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток.

— Дедо, а он кого ест?

— Никого, — отвечает, — не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

— Дедо, а шёрстка у него какая?

— Летом, — отвечает, — буренькая, как вот у Мурёнки нашей, а зимой серенькая.

— Дедо, а он душно́й?[26]

Кокованя даже рассердился:

— Какой же душной! Это домашние козлы такие бывают, а лесной козёл, он лесом и пахнет.

---

[26] Примечания: 26
С плохим запахом.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасётся. Дарёнка и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

— Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберёшь, сколько на них веток. Зимой вот — дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот, Серебряное копытце, всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Дарёнка дома, а Кокованя в лес ушёл. Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Дарёнке:

— Ныне в Полдневской стороне много козлов пасётся. Туда и пойду зимой.

— А как же, — спрашивает Дарёнка, — зимой-то в лесу ночевать станешь?

— Там, — отвечает, — у меня зимний балаган[32] у покосных ложков[33] поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

---

[32] Примечания: 32

Балага́н — временная жилая постройка в лесу, как правило, для охотников.

[33] Примечания: 33

Ложо́к — лог, небольшая сухая долина.

Дарёнка опять спрашивает:

— Серебряное копытце в той же стороне пасётся?

— Кто его знает. Может, и он там.

Дарёнка тут и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное копытце близко подойдёт — я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

— Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замёрзнешь ещё!

Только Дарёнка никак не отстаёт:

— Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею.

Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя:

«Сводить разве? Раз побывает, в другой не запросится».

Вот он и говорит:

— Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Дарёнка тоже узелок себе навязала.

Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да ещё верёвку.

«Нельзя ли, — думает, — этой верёвкой Серебряное копытце поймать?»

Жаль Дарёнке кошку свою оставлять, да что поделаешь. Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

— Мы, Мурёнка, с дедом в лес пойдём, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное копытце, так и воротимся. Я тебе тогда всё расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет:

— Пр-равильно придумала. Пр-равильно.

Пошли Кокованя с Дарёнкой. Все соседи дивуются:

— Из ума выжился старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повёл!

Как стали Кокованя с Дарёнкой из заводу выходить, слышат — собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись — а это Мурёнка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Мурёнка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Дарёнка кошку поймать да домой уне-

сти, только где тебе! Добежала Мурёнка до лесу, да и на сосну. Пойди поймай!

Покричала Дарёнка, не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят — Мурёнка стороной бежит. Так и до балагана добралась. Вот и стало их в балагане трое.

Дарёнка хвалится:

— Веселее так-то.

Кокованя поддакивает:

— Известно, веселее.

А кошка Мурёнка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили — на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадью сходить, да как Дарёнку с кошкой в лесу оставить! А Дарёнка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

— Дедо, сходил бы ты в завод за лошадью. Надо ведь солонину домой перевезти.

Кокованя даже удивился:

— Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна. Как большая рассудила. Только забоишься, поди, одна-то.

— Чего, — отвечает, — бояться. Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Мурёнка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся всё-таки!

Ушёл Кокованя. Осталась Дарёнка с Мурёнкой. Днём-то привычно было без Кокована сидеть, пока он козлов выслеживал… Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит — Мурёнка лежит спокойнёхонько. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — по лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела, — это козёл бежит. Ножки тоненькие, головка лёгонькая, а на рожках по пяти веточек.

Выбежала Дарёнка поглядеть, а никого нет. Воротилась, да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось.

Мурёнка мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Легла Дарёнка рядом с кошкой, да и уснула до утра. Другой день прошёл. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Дарёнке, а не плачет. Гладит Мурёнку да приговаривает:

— Не скучай, Мурёнушка! Завтра дедо непременно придёт.

Мурёнка свою песенку поёт:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Посидела опять Дарёнушка у окошка, полюбовалась на звёзды. Хотела спать ложиться, вдруг по стенке топоток прошёл. Испугалась Дарён-

ка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом где дверка, а там и сверху запостукивало. Не громко, будто кто лёгонький да быстрый ходит. Дарёнка и думает:

«Не козёл ли тот вчерашний прибежал?» И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит.

Отворила дверку, глядит, а козёл — тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках. Дарёнка не знает, что ей делать, да и манит его как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козёл на это как рассмеялся. Повернулся и побежал.

Пришла Дарёнушка в балаган, рассказывает Мурёнке:

— Поглядела я на Серебряное копытце. И рожки видела, и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Мурёнка, знай, свою песенку поёт:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Третий день прошёл, а всё Коковани нет. Вовсе затуманилась Дарёнка. Слёзки запокапывали. Хотела с Мурёнкой поговорить, а её нету. Тут вовсе испугалась Дарёнушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козёл. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Мурёнка головой покачивает, и козёл тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежит-бежит козёл, остановится и давай копытцем бить. Мурёнка подбежит, козёл дальше отскочит и опять копытцем бьёт. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не

видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козёл стоит — и всё бьёт да бьёт серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг Мурёнка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Мурёнки, ни Серебряного копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагрёб, да Дарёнка запросила:

— Не тронь, дедо! Завтра днём ещё на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагрёб.

Всё бы хорошо, да Мурёнки жалко. Больше её так и не видали, да и Серебряное копытце тоже не показался. Потешил раз — и будет.

А по тем покосным ложкам, где козёл скакал,

люди камешки находить стали. Зелёненькие больше. Хризолитами называются. Видали?

Огневушка-поскакушка

Сидели раз старатели круг огонька в лесу. Четверо больших, а пятый парнишечко. Лет так восьми. Не больше. Федюнькой его звали.

Давно всем спать пора, да разговор занятный пришёлся. В артелке, видишь, один старик был. Дедко Ефим. С молодых годов он из земли золотую крупку выбирал. Мало ли каких случаев у него бывало. Он и рассказывал, а старатели слушали.

Отец уж сколько раз говорил Федюньке:

— Ложился бы ты, Тюньша, спать!

Парнишечку охота послушать.

— Погоди, тятенька! Я маленечко ещё посижу.

Ну, вот… Кончил дедко Ефим рассказ. На месте костерка одни угольки остались, а старатели всё сидят да на эти угольки глядят.

Вдруг из самой серединки вынырнула девчоночка махонькая. Вроде куклёнки, а живая. Волосёнки рыженькие, сарафанчик голубенький и в руке платочек, тоже сголуба.

Поглядела девчонка весёлыми глазками, блеснула зубёнками, подбоченилась, платочком махнула и пошла плясать. И так у ней легко да

ловко выходит, что и сказать нельзя. У старателей дух захватило. Глядят — не наглядятся, а сами молчат, будто задумались.

Девчонка сперва по угольками круги давала, потом — видно, ей тесно стало — пошире пошла. Старатели отодвигаются, дорогу дают, а девчонка как круг пройдёт, так и подрастёт маленько. Старатели дальше отодвинутся. Она ещё круг даст и опять подрастёт. Когда вовсе далеко отодвинулись, девчонка по промежуткам в охват людей пошла, — с петлями у ней круги стали. Потом и вовсе за людей вышла и опять ровненько закружилась, а сама уже ростом с Федюньку. У большой сосны остановилась, топнула ножкой, зубёнками блеснула, платочком махнула, как свистнула:

— Фи-ть-ть! й-ю-ю-у…

Тут филин заухал, захохотал, и никакой девчонки не стало.

Кабы одни большие сидели, так, может, ничего бы дальше и не случилось. Каждый, видишь, подумал:

«Вон до чего на огонь загляделся! В глазах зарябило… Неведомо что померещится с устатку-то!»

Один Федюнька этого не подумал и спрашивает у отца:

— Тятя, это кто?

Отец отвечает:

— Филин. Кому больше-то? Неуж не слыхал, как он ухает?

— Да не про филина я! Его-то, поди-ка, знаю и ни капельки не боюсь. Ты мне про девчонку скажи.

— Про какую девчонку?

— А вот которая на углях плясала. Ещё ты да и все отодвигались, как она широким кругом пошла.

Тут отец и другие старатели давай доспрашивать Федюньку, что он видел. Парнишечко рассказал. Один старатель ещё спросил:

— Ну-ко, скажи, какого она росту была?

— Сперва-то не больше моей ладошки, а под конец чуть не с меня ростом стала.

Старатель тогда и говорит:

— А ведь я, Тюньша, точь-в-точь такое же диво видел.

Федюнькин отец и ещё один старатель это же сказали. Один дедко Ефим трубочку сосёт и помалкивает. Старатели приступать к нему стали.

— Ты, дедко Ефим, что скажешь?

— А то и скажу, что это же видел, да думал — померещилось мне, а выходит — и впрямь Огневушка-Поскакушка приходила.

— Какая Поскакушка?

Дедко Ефим тогда и объяснил:

— Слыхал, дескать, от стариков, что есть такой знак на золото — вроде маленькой девчонки, которая пляшет. Где такая Поскакушка покажется, там и золото. Не сильное золото, зато грудное, и не пластом лежит, а вроде редьки посажено. Сверху, значит, пошире круг, а дальше всё меньше да меньше и на нет сойдёт. Выроешь эту редьку золотого песку — и больше на том месте делать нечего. Только вот забыл, в котором месте ту редьку искать: то ли где Поскакушка вынырнет, то ли где она в землю уйдёт.

Старатели и говорят:

— Это дело в наших руках. Завтра пробьём дудку сперва на месте костерка, а потом под сосной испробуем. Тогда и увидим, пустяшный твой разговор или всамделе что на пользу есть.

С этим и спать легли. Федюнька тоже калачиком свернулся, а сам думает: «Над чем это филин хохотал?»

Хотел у дедка Ефима спросить, да он уже похрапывать принялся.

Проснулся Федюнька на другой день позднёхонько и видит — на вчерашнем огневище большая дудка вырыта, а старатели стоят у четырёх больших сосен и все говорят одно:

— На этом самом месте в землю ушла.

Федюнька закричал:

— Что вы! Что вы, дяденьки! Забыли, видно! Вовсе Поскакушка под этой вот сосной остановилась… Тут и ножкой притопнула.

На старателей тут сомненье пришло.

— Пятый пробудился — пятое место говорит. Был бы десятый — десятое бы указал. Пустое, видать, дело. Бросить надо.

Всё ж таки на всех местах испытали, а удачи не вышло. Дедко Ефим и говорит Федюньке:

— Обманное, видно, твоё счастье.

Федюньке это нелюбо показалось. Он и говорит:

— Это, дедо, филин помешал. Он наше счастье обухал да обхохотал.

Дед Ефим своё говорит:

— Филин тут — не причина.

— А вот и причина!

— Нет, не причина!

— А вот и причина!

Спорят так-то вовсе без толку, а другие старатели над ними да и над собой смеются:

— Старый да малый, оба не знают, а мы, дураки, их слушаем да дни теряем.

С той вот поры старика и прозвали Ефим Золотая Редька, а Федюньку — Тюнькой Поскакушкой.

Ребятишки заводские узнали, проходу не дают. Как увидят на улице, так и заведут:

— Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Про девчонку скажи! Скажи про девчонку!

Старику от прозвища какая беда? Хоть горшком назови, только в печку не ставь. Ну, а Федюньке по малолетству обидно показалось. Он и дрался, и ругался, и ревел не раз, а ребятишки пуще того дразнят. Хоть домой с прииска не ходи. Тут ещё перемена жизни у Федюньки вышла. Отец-то у него на второй женился. Мачеха попалась, прямо сказать, медведица. Федюньку и вовсе от дома отшибло.

Дедко Ефим тоже не часто домой с прииска бегал. Намается за неделю, ему и неохота идти, старые ноги колотить. Да и не к кому было. Один жил. Вот у них и повелось. Как суббота, старатели домой, а дедко Ефим с Федюнькой на прииске останутся.

Что делать-то? Разговаривают о том, о другом. Дедко Ефим рассказывал побывальщины разные, учил Федюньку, по каким логам золото искать и протча тако. Случалось, и про Поскакушку вспомнят. И всё у них гладко да дружно. В одном сговориться не могут. Федюнька говорит, что филин всей неудаче причина, а дедко Ефим говорит

— вовсе не причина.

Раз так-то заспорили. Дело ещё на свету было, при солнышке. У балагана всё-таки огонёк был — от комаров курево. Огонь чуть видно, а дыму много. Глядят — в дыму-то появилась махонькая девчонка. Точь-в-точь такая же, как тот раз, только сарафанчик потемнее и платок тоже. Поглядела весёлыми глазками, зубёнками блеснула, платочком махнула, ножкой притопнула и давай плясать.

Сперва круги маленькие давала, потом больше да больше, и сама подрастать стала. Балаган на пути пришёлся, только это ей не помеха. Идёт, будто балагана и нет. Кружилась-кружилась, а как ростом с Федюньку стала, так и остановилась у большой сосны. Усмехнулась, ножкой притопнула, платочком махнула, как свистнула:

— Фи-т-ть! й-ю-ю-у…

И сейчас же филин заухал, захохотал. Дедко Ефим подивился:

— Откуда филину быть, коли солнышко ещё не закатилось?

— Видишь вот! Опять филин наше счастье спугнул. Поскакушка-то, может, от этого филина и убежала.

— А ты разве видел Поскакушку?

— А ты разве не видел?

Начали они тут друг дружку расспрашивать, кто что видел. Всё сошлось, только место, где девчонка в землю ушла, у разных сосен указывают. Как до этого договорились, так дедко Ефим и вздохнул:

— О-хо-хо! Видно, нет ничего. Одна это наша думка.

Только сказал, а из-под дёрна по балагану дым повалил. Кинулись, а там жердник под дёрном затлел. По счастью, вода близко была. Живо залили.

Всё в сохранности осталось. Одне дедовы рукавицы обгорели. Схватил Федюнька рукавицы и видит — дырки на них, как следочки от маленьких ног. Показал это чудо дедке Ефиму и спрашивает:

— Это, по-твоему, тоже думка?

Ну, Ефиму податься некуда, сознался:

— Правда твоя, Тюньша. Знак верный — Поскакушка была. Придётся, видно, завтра опять ямы бить — счастье пытать.

В воскресенье и занялись этим с утра. Три ямы вырыли — ничего не нашли. Дедко Ефим жаловаться стал:

— Наше-то счастье — людям смех.

Федюнька опять вину на филина кладёт:

— Это он, пучеглазик, наше счастье обухал да обхохотал! Вот бы его палкой!

В понедельник старатели прибежали из заводу. Видят — свежие ямы у самого балагана. Сразу догадались, в чём дело. Смеются над стариком-то:

— Редька редьку искал…

Потом увидели, что в балагане пожар начинался, давай их ругать обоих. Федюнькин отец зверем на парнишку накинулся, чуть не поколотил, да дедко Ефим застоял:

— Постыдился бы мальчонку строжить! Без того он у тебя боится домой ходить. Задразнили да загрызли парнишка. Да и какая его вина? Я, поди-ко, оставался — с меня и спрашивай, коли у тебя урон какой случился. Золу, видно, из трубки высыпал с огоньком — вот и загорелось. Моя оплошка — мой и ответ.

Отчитал так-то Федюнькиного отца, потом и говорит парнишку, как никого из больших близко не было:

— Эх, Тюньша, Тюньша! Смеётся над нами Поскакушка. Другой раз случится увидеть, так ей в глаза надо плюнуть. Пускай людей с пути не сбивает да насмех не ставит!

Федюнька своё заладил:

— Дедо, она не со зла. Филин ей вредит.

— Твоё дело, — говорит Ефим, — а только я больше ямы бить не стану. Побаловался — и хватит. Немолодые мои годы — за Поскакушкой скакать.

Ну, разворчался старик, а Федюньке всё Поскакушки жаль.

— Ты, дедо, не сердись на неё! Вон она какая

весёлая да хорошая. Счастье бы нам открыла, кабы не филин.

Про филина дедко Ефим промолчал, а на Поскакушку всё ворчит:

— То-то она счастье тебе открыла! Хоть домой не ходи!

Сколько ни ворчит дедко Ефим, а Федюнька своё:

— А как она, дедо, ловко пляшет!

— Пляшет-то ловко, да нам от этого ни жарко ни холодно, и глядеть неохота.

— А я бы хоть сейчас поглядел! — вздохнул Федюнька. Потом и спрашивает: — А ты, дедо, отворотишься? И поглядеть тебе не любо?

— Как не любо? — проговорился дедко, да спохватился и давай опять строжить Федюньку: — Ох и упорный ты парнишко! Ох и упорный! Что в головёнку попало, то и засело! Будешь вот, что моё же дело, — всю жизнь мыкаться, за счастьем гоняться, а его, может, вовсе и нету.

— Как нету, коли я своими глазами видел.

— Ну, как знаешь, а я тебе не попутчик! Набегался. Ноги заболели.

Поспорили, а дружбу вести не перестали. Дедко Ефим по работе сноровлял Федюньке, показывал, а в свободный час о всяких случаях рассказывал.

Учил, значит, как жить-то надо. И самые весёлые у них те дни были, как они вдвоём на прииске оставались.

Зима загнала старателей по домам. Рассовал их приказчик до весны по работам, куда пришлось, а Федюнька по малолетству дома остался. Только ему дома-то несладко. Тут ещё новая беда пришла: отца на заводе покалечило. В больничную казарму его унесли. Ни жив ни мёртв лежит. Мачеха и вовсе медведицей стала — загрызла Федюньку. Терпел он, терпел, да и говорит:

— Пойду, не то, я к дедку Ефиму жить.

А мачехе что?

— Провались ты, — кричит, — хоть к Поскакушке своей.

Надел тут Федюня пимишки, шубейку-ветродуйку покромкой покрепче затянул. Хотел отцовскую шапку надеть, да мачеха не дала. Натянул тогда свою, из которой давно вырос, и пошёл.

На улице первым делом парнишки налетели, дразниться стали:

— Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Скажи про девчонку!

Федюня, знай, идёт своей дорогой. Только и сказал:

— Эх вы! Несмыслёныши!

Ребятам что-то стыдно стало. Они уж вовсе по-доброму спрашивают:

— Ты куда это?

— К дедку Ефиму.

— К Золотой Редьке?

— Кому Редька — мне дедко.

— Далеко ведь! Ещё заблудишься.

— Знаю, поди-ко, дорогу.

— Ну, замёрзнешь. Вишь, стужа какая, а у тебя и рукавиц нет.

— Рукавиц нет, да руки есть, и рукава не отпали. Засуну руки в рукава — только и дела. Не догадались!

Ребятам занятно показалось, как Федюнька разговаривает, они и стали спрашивать по-хорошему:

— Тюньша! Ты правда Поскакушку в огне видел?

— И в огне видел, и в дыму видел. Может, ещё где увижу, да рассказывать недосуг, — сказал Федюнька, да и зашагал дальше.

Дедко Ефим то ли в Косом Броду, то ли в Северной жил. На самом выезде, сказывают, избушка стояла. Ещё перед окошком сосна бортевая росла. Далеконько всё ж таки, а время холодное — самая

середина зимы. Подзамёрз наш Федюнюшка. Ну, дошагал всё ж таки. Только ему за дверную скобку взяться, вдруг слышит:

— Фи-т-ть! й-ю-ю-у…

Оглянулся — на дороге снежок крутится, а в нём чуть метлесит[27] клубочек, и похож тот клубочек на Поскакушку.

Побежал Федюня поближе разглядеть, а клубочек уж далеко. Федюня за ним, он того дальше.

---

[27] Примечания: 27
Метлеси́ть — мельтешить.

Бежал-бежал за клубочком, да и забрался в незнакомое место. Глядит — пустоплесье какое-то, а кругом лес густой. Посредине пустоплесья берёза старая, будто и вовсе неживая. Снегу около неё намело гора горой. Клубочек подкатился к этой берёзе да вокруг неё и кружится.

Федюнька в азарте-то не поглядел, что тут и тропочки нет, полез по цельному снегу. «Столько, — думает, — бежал, неуж спятиться!»

Добрался-таки до берёзы, а клубочек и рассыпался. Снеговой пылью Федюньке в глаза брызнул.

Чуть не заревел от обиды Федюнька. Вдруг у самой его ноги снег воронкой до земли протаял. Видит Федюнька — на дне-то воронки Поскакушка. Весёленько поглядела, усмехнулась ласково, платочком махнула и пошла плясать, а снег-то от неё бегом побежал. Где ей ножку поставить, там трава зелёная да цветы лесные.

Обошла круг — тепло Федюньке стало, а Поскакушка шире да шире круг берёт, сама подрастает, и полянка в снегу всё больше да больше. На берёзе уж листочки зашумели. Поскакушка того больше старается, припевать стала:

У меня тепло!

У меня светло!

Красно летичко!

А сама волчком да волчком — сарафанчик пузырём. Когда ростом с Федюнькой выровнялась, полянка в снегу вовсе большая стала, а на берёзе птички запели.

Жарынь, как в самый горячий день летом. У Федюньки с носу пот каплет. Шапчонку свою Федюнька давно снял, хотел и шубёнку сбросить. Поскакушка и говорит:

— Ты, парень, побереги тепло-то! Лучше о том подумай, как назад выберешься!

Федюнька на это и отвечает:

— Сама завела — сама выведешь!

Девчонка смеётся:

— Ловкий какой! А если мне недосуг?

— Найдёшь время! Я подожду!

Девчонка тогда и говорит:

— Возьми-ко лучше лопатку. Она тебя в снегу согреет и домой выведет.

Поглядел Федюнька — у берёзы лопатка старая валяется. Изоржавела вся, и черенок расколотый. Взял Федюнька лопатку, а Поскакушка наказывает:

— Гляди, из рук не выпусти! Крепче держи! Да дорогу-то примечай! Назад тебя лопата не поведёт. А ведь придёшь весной-то?

— А как же? Непременно прибежим с дедком Ефимом. Как весна — так мы и тут. Ты тоже приходи поплясать.

— Не время мне. Сам уж пляши, а дедко Ефим пусть притопывает!

— Какая у тебя работа?

— Не видишь? Зимой лето делаю да таких, как ты, работничков забавляю. Думаешь — легко?

Сама засмеялась, вернулась волчком и платоч-

ком махнула, как свистнула:

— Фи-т-ть! й-ю-ю-у…

И девчонки нет, и полянки нет, и берёза стоит голым-голёшенька, как неживая. На вершине филин сидит. Кричать — не кричит, а башкой ворочает. Вокруг берёзы снегу намело гора горой. В снегу чуть не по горло провалился Федюнька и лопаткой на филина машет. От Поскакушкина лета только и осталось что черенок у Федюньки в руках вовсе тёплый, даже горячий. А рукам тепло — и всему телу весело.

Потянула тут лопата Федюньку и сразу из снега выволокла. Сперва Федюнька чуть не выпустил лопату из рук, потом наловчился, и дело гладко пошло. Где пешком за лопатой идёт, где волоком тащится. Забавно это Федюньке, а приметки ставить не забывает. Это ему тоже лёгонько далось. Чуть подумает засечку сделать, лопатка сейчас тюк-тюк — и две ровнёшенькие зарубочки готовы.

Привела лопатка Федюню к деду Ефиму затемно. Старик уже на печь залез.

Обрадовался, конечно, стал спрашивать, как да что. Рассказал Федюнька про случай, а старик не верит. Тогда Федюнька и говорит:

— Посмотри вон лопатку-то! В сенках она по-

ставлена.

Принёс дедко Ефим лопатку, да и углядел — по ржавчине-то золотые таракашки посажены. Целых шесть штук.

Тут дедко поверил маленько и спрашивает:

— А место найдёшь?

— Как, — отвечает, — не найти, коли дорога замечена.

На другой день дедко Ефим раздобыл лыжи у знакомого охотника.

Сходили честь честью. По зарубкам-то ловко до места добрались. Вовсе повеселел дедко Ефим. Сдал он золотых таракашков тайному купцу и прожил ту зиму безбедно.

Как весна пришла, побежали к старой берёзе. Ну и что? С первой лопатки такой песок пошёл, что хоть не промывай, а прямо руками золотины выбирай. Дедко Ефим даже поплясал на радостях.

Прихранить богатство не сумели, конечно. Федюнька — малолеток, а Ефим хоть старик, а тоже простота.

Народ со всех сторон кинулся. Потом, понятно, всех согнали начисто, и барин за себя это место перевёл. Недаром, видно, филин башкой-то ворочал. Всё-таки дедко Ефим с Федюнькой хлебнули

маленько из первого ковшичка. Годов с пяток в достатке пожили. Вспоминали Поскакушку.

— Ещё бы показалась разок!

Ну, не случилось больше. А прииск тот и посейчас зовётся Поскакушинский.

Синюшкин колодец

Жил в нашем заводе парень Илья. Вовсе бобылём остался — всю родню схоронил. И от всех ему наследство досталось.

От отца — руки да плечи, от матери — зубы да речи, от деда Игната — кайла[28] да лопата, от бабки Лукерьи — особый поминок. Об этом и разговор сперва. Она, видишь, эта бабка, хитрая была — по улицам перья собирала, подушку внучку готовила, да не успела. Как пришло время умирать, позвала бабка Лукерья внука и говорит:

— Гляди-ка, друг Илюшенька, сколь твоя бабка пера накопила! Чуть не полное решето! Да и пёрышки какие! Одно к одному — мелконькие да пёстренькие, глядеть любо! Прими в поминок — пригодится! Как женишься да принесёт жена подушку, тебе и не зазорно будет: не в диковинку-де мне — свои пёрышки есть, ещё от бабки остались. Только ты за этим не гонись, за подушкой-то! Принесёт — ладно, не принесёт — не тужи. Ходи веселенько, работай крутенько, и на соломке не худо поспишь, сладкий сон увидишь.

---

[28] Примечания: 28
Кайла́ — кирка, горный инструмент.

Как худых думок в голове держать не станешь, так и всё у тебя ладно пойдёт, гладко покатится. И белый день взвеселит, и тёмна ноченька приголубит, и красное солнышко обрадует. Ну, а худые думки заведёшь, тут хоть в пень головой — всё немило станет.

— Про какие, — спрашивает Илья, — ты, бабушка, худые думки сказываешь?

— А это, — отвечает, — про деньги да про богатство. Хуже их нету. Человеку от таких думок одно расстройство да маята[34] напрасная. Чисто да по совести и пера на подушку не наскрести, не то что богатство получить.

— Как же тогда, — спрашивает Илья, — про земельное богатство понимать? Неуж ни за что считаешь? Бывает ведь…

— Бывать-то бывает, только ненадёжно дело: комочками приходит, пылью уходит, на человека тоску наводит. Про это и не думай, себя не беспокой! Из земельного богатства, сказывают, одно чисто да крепко. Это когда бабка Синюшка красной девкой обернётся да сама своими ручеками человеку подаст. А даёт Синюшка богатство гораздому да удалому, да простой душе. Больше

---

[34] Примечания: 34

Маята́ — от слова «маяться» — уныние, трудности.

никому. Вот ты и попомни, друг Илюшенька, этот мой последний наказ.

Поклонился тут Илья бабке.

— Спасибо тебе, бабка Лукерья, за перья, а пуще того за наставленье. Век его не забуду.

Вскорости умерла бабка… Остался Илюха один-одинёшенек, сам большой, сам маленький. Тут, конечно, похоронные старушонки набежали, покойницу обмыть, обрядить, на погост[35] проводить. Они — эти старушонки — тоже не от сладкого житья по покойникам бегают. Одно выпрашивают, другое выглядывают. Живо всё бабкино обзаведенье по рукам расхватали. Воротился Илья с могильника, а в избе у него голым-голёхонько. Только то и есть, что сам сейчас на спицу повесил: зипун[36] да шапка. Кто-то и бабкиным пером покорыстовался[37]: начисто выгреб из решета. Только три пёрышка в решётке зацепились. Одно беленькое, одно чёрненькое, одно рыженькое.

---

[35] Примечания: 35

Пого́ст — кладбище.

[36] Примечания: 36

Зипу́н — старинная мужская верхняя одежда из толстой ткани, обычно без воротника.

[37] Примечания: 37

Покорыстова́ться — поживиться, попользоваться.

Пожалел Илья, что не уберёг бабкин поминок.

«Надо, — думает, — хоть эти пёрышки к месту прибрать, а то нехорошо как-то. Бабка от всей души старалась, а мне будто и дела нет».

Подобрал с полу каку-то синюю ниточку, перевязал эти пёрышки натуго, да и пристроил себе на шапку.

«Тут, — думает, — самое им место. Как надевать либо снимать шапку, так и вспомнишь бабкин наказ. А он, видать, для жизни полезный. Всегда его в памяти держать надо».

Надел потом шапку да зипун и пошёл на прииск. Избушку свою и запирать не стал, потому в ней — ничем-ничего. Одно пустое решето, да и то с дороги никто не подберёт.

Илья возрастной парень был, давно в женихах считался. На прииске-то он годов шесть либо семь робил. Тогда ведь, при крепости-то, с малолетства людей на работу загоняли. До женитьбы иной, глядишь, больше десятка годов уж на барина отхлещет. И этот Илья, прямо сказать, вырос на прииске. Места тут он знал вдоль и поперёк. Дорога на прииск не близкая. На Гремихе, сказывают, тогда добывали чуть не у Белого камня. Вот Илюха и придумал:

«Пойду-ко я через Зюзельско болотце. Вишь,

жарынь какая стоит. Подсохло, поди, оно — пустит перебраться. Глядишь, и выгадаю версты три, а то и все четыре...»

Сказано — сделано. Пошёл Илья лесом напрямую, как по осеням с прииска и на прииск бегали. Сперва ходко шёл, потом намаялся и с пути сбился. По кочкам-то ведь не по прямой дороге. Тебе надо туда, а кочки ведут вовсе не в ту сторону. Скакал-скакал, до поту наскакался. Ну, выбрался в какой-то ложок. Посредине место пониже. Тут трава растёт — горчик да метлика. А с боков взгорочки, а на них сосна жаровая. Вовсе, значит, сухое место пошло. Одно плохо — не знает Илья, куда дальше идти. Сколько раз по этим местам бывал, а такого ложочка не видывал.

Вот Илья и пошёл серединой, меж взгорочков-то. Шёл-шёл, видит — на полянке окошко круглое, а в нём вода, как в ключе, только дна не видно. Вода будто чистая, только сверху синенькой тенёткой[38] подёрнулась и посредине паучок сидит, тоже синий.

Илюха обрадовался воде, отпахнул рукой тенётку и хотел напиться. Тут у него голову и обнесло — чуть в воду не сунулся и сразу спать захотел.

---

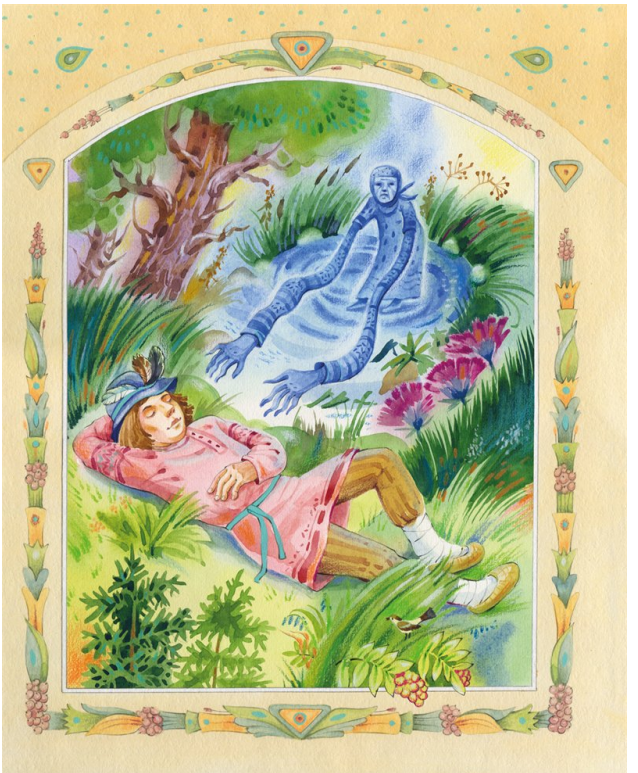
[38] Примечания: 38
Тенётка — паутинка.

«Вишь, — думает, — как притомило меня болото. Отдохнуть, видно, надо часок».

Хотел на ноги подняться, а не может. Отполз всё ж таки сажени две ко взгорочку, шапку под голову, да и растянулся. Глядит — а из того водяного окошка старушонка вышла. Ростом не больше трёх четвертей[39]. Платьишко на ней синее, платок на голове синий и сама вся синёхонька, да такая тощая, что вот подует ветерок — и разнесёт старушонку. Однако глаза у ней молодые, синие да такие большие, будто им тут вовсе и не место.

[39] Примечания: 39

Че́тверть (четь) — старинная русская мера длины, равная 177,8 мм. Ростом не больше трёх четвертей — ростом около 53 сантиметров.



Уставилась старушонка на парня и руки к нему протянула, а руки всё растут да растут. Того и гляди, до головы парню дотянутся. Руки ровно жиденькие, как туман синий, силы в них не видно, и когтей нет, а страшно. Хотел Илья подальше отползти, да силы вовсе не стало.

«Дай, — думает, — отвернусь, — всё не так страшно».

Отвернулся да носом-то как раз в пёрышки и ткнулся. Тут на Илью почихота нашла. Чихал-чихал, кровь носом пошла, а всё конца краю нет.

Только чует — голове-то много легче стало. Подхватил тут Илья шапку и на ноги поднялся. Видит — стоит старушонка на том же месте, от злости трясётся. Руки у неё до ног Илье дотянулись, а выше-то от земли поднять их не может. Смекнул Илья, что у старухи оплошка вышла — сила не берёт, прочихался, высморкался, да и говорит с усмешкой:

— Что, взяла, старая? Не по тебе, видно, кусок!

Плюнул ей на руки-то, да и пошёл дальше. Старушонка тут и заговорила, да звонко так, вовсе по-молодому:

— Погоди, не радуйся! Другой раз придёшь — головы не унесёшь!

— А я и не приду, — отвечает Илья.

— Ага! Испугался, испугался! — зарадовалась старушонка.

Илюхе это за обиду показалось. Остановился он, да и говорит:

— Коли на то пошло, так нарочно приду — воды из твоего колодца вычерпнуть.

Старушонка засмеялась и давай подзадоривать парня:

— Хвастун ты, хвастун! Говорил бы спасибо своей бабке Лукерье, что ноги унёс, а он ещё похваляется! Да не родился ещё такой человек, чтоб из здешнего колодца воду добыть.

— А вот поглядим, родился ли, не родился, — отвечает Илья.

Старушонка знай своё твердит:

— Пустомеля ты, пустомеля! Тебе ли воду добыть, коли подойти боишься. Пустые твои слова! Разве других людей приведёшь. Посмелее себя!

— Этого, — кричит Илья, — от меня не дождёшься, чтоб я стал других людей тебе подводить! Слыхал, поди-ка, какая ты вредная и чем людей обманываешь.

Старушонка одно заладила:

— Не придёшь, не придёшь! Где тебе! Такому-то!

Тогда Илья и говорит:

— Ладно, не то. Как в воскресный день ветер хороший случится, так и жди в гости.

— Ветер тебе на что? — спрашивает старушонка.

— Там видно будет, — отвечает Илья. — Ты только плевок-то с руки смой. Не забудь, смотри!

— Тебе, — кричит старушонка, — не всё равно, какой рукой тебя на дно потяну? Хоть ты, вижу, и гораздый[40], а, всё едино, мой будешь. На ветер да бабкины перья не надейся! Не помогут!

Ну, поругались так-то. Пошёл Илья дальше, сам дорогу примечает и про себя думает:

«Вот она какая бабка Синюшка. Ровно еле живая, а глаза девичьи, погибельные, и голос, как у молоденькой, — так и звенит. Поглядел бы, как она красной девкой оборачивается».

Про Синюшку Илья много слыхал. На прииске не раз об этом говаривали. Вот, дескать, по глухим болотным местам, а то и по старым шахтам набегали люди на Синюшку. Где она сидит, тут и богатство положено. Сживи Синюшку с места — и откроется полный колодец золота да дорогих каменьев. Тогда и греби сколь рука взяла. Многие будто ходили искать, да либо ни с чем вороти-

---

[40] Примечания: 40
Гора́здый — лихой, удалой.

лись, либо с концом загинули.

К вечеру выбрался Илюха на прииск. Смотритель приисковский напустился, конечно, на Илюху:

— Что долго?

Илья объяснил — так и так, бабку Лукерью хоронил. Смотрителю маленько стыдно стало, а всё нашёл придирку:

— Что это у тебя за перья на шапке? С какой радости нацепил?

— Это, — отвечает Илья, — бабкино наследство. Для памяти его тут пристроил.

Смотритель да и другие, кто близко случился, давай смеяться над таким наследством, а Илья и говорит:

— Да, может, я эти перья на весь господский прииск не променяю. Потому — не простые они, а наговорённые[41]. Белое вот — на весёлый день, чёрное — на спокойную ночь, а рыженькое — на красное солнышко.

Шутит, конечно. Только тут парень был — Кузька Двоерылко. Он Илюхе-то ровесником приходился, в одном месяце именинниками были, а по всем статьям на Илюху не походил.

---

[41] Примечания: 41
Наговорённые — заколдованные.

Он, этот Двоерылко, вовсе со справного двора. По-доброму такому парню и мимо прииска ходить не надо — полегче бы работа дома нашлась. Ну, Кузька давно около золота околачивался, своё смышлял — не попадёт ли штучка хорошая, а унести её сумею. И верно, насчёт того, чтобы чужое в свой карман прибрать, Двоерылко мастак был. Чуть кто не доглядел — Двоерылко уже унёс, и найти не могут. Однем словом, ворина. По этому ремеслу у него и заметка была. Его, вишь, один старатель лопаткой черканул. Скользом пришлось, а всё же зарубка на память осталась — нос до губы пополам развалило. По этой примётке Кузьку и величали Двоерылком. Этот Кузька крепко завидовал Илюхе. Тот, видишь, парень ядрёный да могутный, крутой да весёлый — работа у него и шла податно[42]. Кончил работу — поел да песню запел, а то и в пляс пошёл. На артелке ведь и это бывает. Против такого парня где же равняться Двоерылому, коли у него ни силы, ни охоты, да и на уме вовсе другое. Только Кузька по-своему об этом понимал. «Не иначе, знает Илюшка какую-то словинку[43] — то он и

---

[42] Примечания: 42
Пода́тно — ловко, быстро.

[43] Примечания: 43
Слови́нка — здесь: заговор, секрет, приносящий удачу.

удачливый, и по работе ему устатка нет».

Как про пёрышки-то Илья сказал, Кузька и смекнул про себя: «Вот она — Илюшкина словинка».

Ну, известно, в ту же ночь и украл эти пёрышки.

На другой день хватился Илья — где пёрышки? Думает, обронил. Давай искать по прииску-то. Над Ильёй подсмеиваться стали:

— Ты в уме ли, парень! Столько ног тут топчется, а ты какие-то махонькие пёрышки ищешь! В пыль, поди, их стоптали. Да и на что они тебе?

— Как, — отвечает, — на что, коли это бабкина памятка?

— Памятку, — говорят, — надо в крепком месте либо в голове держать, а не на шапке таскать.

Илья и думает — правду говорят, — и перестал те пёрышки искать. Того ему и на мысли не пало, что они худыми руками взяты.

У Кузьки своя забота — за Илюхой доглядывать, как у него теперь дело пойдёт, без бабкиных пёрышек. Вот и узрил, что Илья ковш старательский взял да к лесу пошёл. Двоерылко за Ильёй — думает, не смывку ли где наладил. Ну, никакой смывки не оказалось, а стал Илья тот ковш на жердинку насаживать. Сажени четыре жердинка. Вовсе для смывки несподручно. К чему бы это?

Ещё пуще Кузька насторожился.

Дело-то к осени пошло, крепко подувать стало. В субботу, как рабочих с прииска домой отпускали, Илья тоже домой запросился. Смотритель сперва покочевряжился — ты, дескать, недавно ходил, да и незачем тебе — семейства нет, а хозяйство своё — пёрышки-то — на прииске потерял. Ну, отпустил. А Кузька разве такой случай пропустит? Он спозаранку к тому месту пробрался, где ковш на жердинке припрятан был. Долго Кузьке ждать-то пришлось, да ведь воровская сноровка известна. Не нами сказано — вор собаку переждёт, не то что хозяина. На утре подошёл Илья, достал ковш, да и говорит:

— Эх, пёрышек-то нету! А ветер добрый. С утра так свистит — к полдню вовсе разгуляется.

Впрямь, ветер такой, что в лесу стон стоит. Пошёл Илья по своим примёткам, а Двоерылко за ним крадётся да радуется:

«Вот они, пёрышки-то! К богатству, знать-то, дорожку кажут!»

Долгонько пришлось Илье по приметам-то пробираться, а ветер всё тише да тише. Как на ложок выйти, так и вовсе тихо стало — ни одна веточка не пошевельнётся. Глядит Илья — старушонка у колодца стоит, дожидается и звонко так кричит:

— Вояка пришёл! Бабкины перья потерял и на

ветре прогадал. Что теперь делать-то станешь? Беги-ко домой да ветра жди! Может, и дождёшься!

Сама в сторонке стоит, к Илье рук не тянет, а над колодцем туман, как шапка синяя, густым-густёхонько. Илья разбежался да со взгорочка ковшом-то на жердине прямо в ту синюю шапку и сунул да ещё кричит:

— Ну-ко, ты, убогая, поберегись! Не зашибить бы ненароком.

Зачерпнул из колодца и чует — тяжело. Еле выволок. Старушонка смеётся, молодые зубы кажет.

— Погляжу я, погляжу, как ты ковш до себя дотянешь. Много ли моей водицы испить доведётся!

Задорит[44], значит, парня. Илья видит — верно, тяжело, — вовсе озлился.

— Пей, — кричит, — сама!

Усилился, поднял маленько ковшик да и норовит опрокинуть на старушонку. Та отодвинулась. Илья за ней. Она дальше. Тут жердинка и переломилась, и вода разлилась. Старушонка опять смеётся:

— Ты бы ковшик-то на бревно насадил… Надёжнее бы!

---

[44] Примечания: 44
Задóрить — дразнить.

Илья в ответ грозится:

— Погоди, убогая! Искупаю ещё!

Тут старушонка и говорит:

— Ну, ладно. Побаловали — и хватит. Вижу, что ты парень гораздый да удалый. Приходи в месячную ночь, когда вздумаешь. Всяких богатств тебе покажу. Бери, сколько унесёшь. Если меня сверху не случится, скажись: «Без ковша пришёл», — и всё тебе будет.

— Мне, — отвечает Илья, — и на то охота поглядеть, как ты красной девкой оборачиваешься.

— По делу видно будет, — усмехнулась старушонка, опять молодые зубы показала.

Двоерылко всё это до капельки видел и до слова слышал.

«Надо, — думает, — поскорее на прииск бежать да кошели наготовлять. Как бы только Илюшка меня не опередил!»

Убежал Двоерылко. А Илья взгорочком к дому пошёл.

Перебрался по кочкам через болотце, домой пришёл, а там одна новость — бабкиного решета не стало.

Подивился Илья — кому такое понадобилось? Сходил к своим заводским дружкам, поговорил с тем, с другим и обратно на прииск пошёл, только

не через болото, а дорогой, как все ходили.

Прошло так дней пяток, а случай тот у Илюхи из головы не выходит — на работе помнится и сну мешать стал. Нет-нет и увидит он те синие глаза, а то и голос звонкий услышит:

«Приходи в месячную ночь, когда вздумаешь».

Вот Илюха и порешил:

«Схожу. Погляжу хоть, какое богатство бывает. Может, и сама она мне красной девкой покажется».

В ту пору как раз молодой месяц народился, ночи посветлее стали. Вдруг на прииске разговор — Двоерылко потерялся. Сбегали на завод — нету. Смотритель велел по лесу искать — тоже не оказалось. И то сказать, искали — не надсажались. Всяк про себя думал: «От того убытку нет, коли вор потерялся». На том и кончилось.

Как месяц на полный кружок обозначился, Илюха и пошёл. Добрался до места. Глядит — никого нет. Илья всё же со взгорочка не спустился и тихонько молвил:

— Без ковша пришёл.

Только сказал, сейчас старушонка объявилась и ласково говорит:

— Милости просим, гостенёк дорогой! Давно поджидаю. Подходи да бери, сколько унесёшь.

Сама руками-то как крышку над колодцем подняла, а там и открылось богатства всякого. Доверху набито. Илье любопытно на такое богатство поглядеть, а со взгорочка не спускается. Старушонка поторапливать стала.

— Ну, чего стоишь? Бери, — говорю, — сколько в кошель уйдёт.

— Кошеля-то, — отвечает, — у меня нету, да и от бабки Лукерьи я другое слыхал. Будто только то богатство чисто да крепко, какое ты сама человеку подашь.

— Вишь ты, привередник какой! Ему ещё подноси! Ну, будь по-твоему!

Как сказала это старушонка, так из колодца синий столб выметнуло. И выходит из этого столба девица-красавица, как царица снаряжена, а ростом до половины доброй сосны. В руках у этой девицы золотой поднос, а на нём груда всякого богатства. Песок золотой, каменья дорогие, самородки чуть не по ковриге. Подходит эта девица к Илюхе и с поклоном подаёт ему поднос.

— Прими-ко, молодец!

Илья на прииске вырос, в золотовеске тоже бывал, знал, как его — золото-то — весят. Посмотрел на поднос и говорит старушонке:

— Для смеху это придумано. Ни одному человеку не в силу столько поднять.

— Не возьмёшь? — спрашивает старушонка.

— И не подумаю, — отвечает Илья.

— Ну, будь по-твоему! Другой подарок дам, — говорит старушонка.

И сейчас же той девицы — с золотым-то подносом — не стало. Из колодца опять синий столб выметнуло. Вышла другая девица. Ростом поменьше. Тоже красавица и наряжена по-купецки. В руках у этой девицы серебряный поднос, на нём груда богатства. Илья и от этого подноса отказался, говорит старушонке:

— Не в силу человеку столько поднять, да и не своими руками ты подаёшь.

Тут старушонка вовсе по-девичьи рассмеялась.

— Ладно, будь по-твоему! Тебя и себя потешу. Потом, чур, не жалеть. Ну, жди.

Сказала, и сразу не стало ни той девицы с серебряным подносом, ни самой старушонки. Стоял-стоял Илюха — никого нет. Надоело уж ему ждать-то, тут сбоку и зашуршала трава. Повернулся Илюха в ту сторону. Видит — девчонка подходит. Простая девчонка, в обыкновенный человечий рост. Годов так восемнадцати. Платьишко на ней синее, платок на голове синий, и на ногах бареточки синие. А пригожая эта девчонка — и сказать нельзя. Глаза звездой, брови дугой, губы — малина, и руса коса трубчатая через плечо перекинута, а в косе лента синяя.

Подошла девчонка к Илюхе и говорит:

— Прими-ка, мил друг Илюшенька, подарочек от чистого сердца.

И подаёт ему своими белыми рученьками старое бабки Лукерьи решето с ягодами. Тут тебе и земляника, тут тебе и княженика, и жёлтая морошка, и чёрная смородина с голубикой. Ну, всяких сортов ягода. Полнёхонько решето. А сверху три пёрышка. Одно беленькое, одно чёрненькое, одно рыженькое, натуго синей ниточкой перевязаны.

Принял Илюха решето, а сам как дурак стоит, никак домекнуть[45] не может, откуда эта девчонка появилась, где она осенью всяких ягод набрала. Вот и спрашивает:

— Ты чья, красна девица? Скажись, как тебя звать-величать?

Девчонка усмехнулась и говорит:

— Бабкой Синюшкой люди зовут, а гораздому да удалому, да простой душе и такой кажусь, какой видишь. Редко только так-то бывает.

Тогда уж Илюха понял, с кем разговор, и спрашивает:

— Пёрышки-то у тебя откуда?

— Да вот, — отвечает, — Двоерылко за богатством приходил. Сам в колодец угодил и кошели свои утопил, а твои-то пёрышки выплыли. Простой, видно, ты души парень.

Дальше Илья и не знает о чём говорить. И она стоит, молчит, ленту в косе перебирает. Потом промолвила:

— Так-то, мил друг Илюшенька! Синюшка я. Всегда старая, всегда молодая. К здешним богатствам навеки приставлена.

Тут помолчала маленько да спрашивает:

---

[45] Примечания: 45

Домекну́ть — понять, сообразить.

— Ну, нагляделся? Хватит, поди, а то как бы во сне не привиделась.

И сама вздохнула, как ножом по сердцу парня полыснула. Всё бы отдал, лишь бы она настоящая живая девчонка стала, а её и вовсе нет.

Долго ещё стоял Илья. Синий туман из колодца по всему ложочку пополз, тогда только стал к дому пробираться. На свету уж пришёл.

Только заходит в избу, а решето с ягодами и потяжелело, дно оборвалось, и на пол самородки да дорогие каменья посыпались.

С таким-то богатством Илья сразу от барина откупился, на волю вышел, дом себе хороший справил, лошадь завёл, а вот жениться никак не может. Всё та девчонка из памяти не выходит. Сна-покою решился. И бабки Лукерьи пёрышки не помогают. Не один раз говаривал:

— Эх, бабка Лукерья, бабка Лукерья! Научила ты, как Синюшкино богатство добыть, а как тоску избыть — не сказала. Видно, сама не знала.

Маялся-маялся так-то и надумал:

«Лучше в тот колодец нырнуть, чем такую муку переносить».

Пошёл к Зюзельскому болотцу, а бабкины пёрышки всё же с собой захватил.

Тогда ягодная пора пришлась. Землянику

таскать стали. Только подошёл Илья к лесу, навстречу ему девичья артелка. Человек с десяток, с полными корзинками. Одна девчонка на отшибе идёт, годов так восемнадцати. Платьишко на ней синее, платок на голове синий. И пригожая — сказать нельзя. Брови — дугой, глаза — звездой, губы — малина, руса коса трубчатая через плечо перекинута, а в ней лента синяя. Ну, вылитая та. Одна приметочка разнится: на той баретки синие были, а эта вовсе босиком. Остолбенел Илья. Глядит на девчонку, и она синими-то глазами зырк да зырк и усмехается — зубы кажет. Прочухался маленько Илюха и говорит:

— Как это я тебя никогда не видал?

— Вот, — отвечает, — и погляди, коли охота. На это я проста — копейки не возьму.

— Где, — спрашивает, — ты живёшь?

— Ступай, — говорит, — прямо, повороти направо. Тут будет пень большой. Ты разбегись да треснись башкой. Как искры из глаз посыплются — тут меня и увидишь…

Ну, зубоскальничает, конечно, как по девичьему обряду ведётся. Потом сказалась — чья такая, по которой улице живёт и как зовут. Всё честь-честью. А сама глазами так и тянет, так и тянет.

С этой девчонкой Илюха и свою долю нашёл.

Только не надолго. Она, вишь, из мраморских была. То её Илюха и не видал раньше-то. Ну, а про мраморских дело известное. Краше тамошних девок по нашему краю нет, а женись на такой — овдовеешь. С малых лет около камню бьются — чахотка у них.

Илюха и сам долго не зажился. Наглотался, может, от этой, да и от той нездоровья-то. А по Зюзельке вскорости большой прииск открыли. Илюха, видишь, не потаил, где богатство взял. Ну, рыться по тем местам стали, да и ната́кались по Зюзельке на богатимое золото.

На моих ещё памятях тут хорошо добывали. А колодца того так и не нашли. Туман синий — тот и посейчас на тех местах держится, богатство кажет. Мы ведь что! Сверху поковыряли маленько, копни-ко поглубже… Глубокий, сказывают, тот Синюшкин колодец. Страсть глубокий. Ещё добытчиков ждёт.

